

ВИКТОР ГОРБАЧЁВ РЕИНКАРНАЦИЯ

АВАНТЮРНО-МЕДИЦИНСКИЕ ПОВЕСТИ

Виктор Горбачев

Реинкарнация. Авантюрно-медицинские повести

*Текст предоставлен издательством
Реинкарнация. Авантюрно-медицинские повести: Издать Книгу; 2014*

Аннотация

«Надо жить дольше. И чаще,» – сказал один мудрый человек. Трудно спорить. Вопрос в другом: как?!

И создатель вроде бы от души озаботился: ресурсы органов и систем, говорят, на века пользования замыслены...

Чего же тогда чахнем скоропостижно?!

«Здоровое, светлое будущее не за горами», – жизнеутверждает официальная медицина.

«Не добраться нам с вами до тех гор, на полпути поляжем», – остужают нетрадиционщики. «Стратегия у вас, – говорят, – не та».

Извечный спор, потому как на кону власть, шальные деньги, карьеры, амбиции...

И мы, хило-подопытные, сбоку.

По сему видать, неофициальная медицина, как супротивница, по определению несёт в себе остроту сюжета.

Сексотерапия, нейро-лингвистическое программирование (гипноз), осознанный сон, регенерация стволовыми клетками

и т. п. – суть сюжетов «Авантюрно-медицинских повестей» (в разных пропорциях) и, весьма вероятно, завтрашний день медицины...

Завтрашний, а сегодня наши герои обречены на невероятные приключения и риск, осечки и удачу, остракизм врагов и преданность друзей и... любовь.

Содержание

Два сокровища сразу	7
Глава 1.	8
Глава 2.	17
Глава 3.	23
Глава 4.	32
Глава 5.	37
Глава 6.	41
Глава 7.	47
Глава 8.	54
Глава 9.	64
Глава 10.	72
Ствол	78
Часть 1.	79
Глава 1.	79
Глава 2.	84
Глава 3.	89
Глава 4.	94
Часть 2.	100
Глава 1.	100
Глава 2.	107
Глава 3.	112
Глава 4.	124
Глава 5.	132

Виктор Горбачев

Реинкарнация.

Авантюрно- медицинские повести

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

С безмерным уважением, благодарностью и любовью – моей Надежде

Два сокровища сразу

We pay for the mistakes of our ancestors, and it seems only fair that they should leave us the money to pay with
Marquis

Мы платим за ошибки наших предков, и вполне справедливо, что они должны оставлять нам на эти цели деньги
Маркес

Глава 1.

Гриша Гончаренко заканчивал свою политическую карьеру руководителем экономического отдела очень демократической партии, чей политический курс был электорату однозначно понятен, честен, стабилен и не предвещал никому в обозримом будущем серьёзных катаклизмов.

Авторитет Гриши у многомудрого вождя и товарищей по партии был надёжным, будущее смотрелось вполне сытым, однако всё это не помешало ему в одночасье решить, что сил партийной борьбе отдано достаточно и наступил, наконец, тот долгожданный момент, когда надо искать для себя новый интерес, чтобы и для души и для желудка, не изменяя, конечно, и не порывая с родной партией.

Неуёмная Гришина энергия, пытливый ум, огромный багаж опыта общения с легендарным вождём и со всякими деятелями всяких стран уверенно двигали его от рутины к приключениям.

Семьёй к своим сорока годам Григорий, как истинный партиец, обременён не был, недосуг, что лишний раз доказывает полную его отдачу борьбе за партийные идеалы.

Обычная чернявая наружность, средних параметров тело, отсутствие особых примет, диплом восточного факультета МГУ, диалект английского графства Девоншир и обязательный второй японский делали Гришу желанной добычей

спецслужб, однако, обошлось.

Носил Гриша фамилию матери, библиотекаря старой формации с больными ногами и полным непониманием самого факта существования в России ещё каких-то партий, кроме родной коммунистической. Папа же Гришин, профессор-востоковед, кроме свободного владения английским, китайским и японским, обладал ещё бурной биографией и гонимой фамилией.

Феноменальная память, блестящая образованность, умение молчать и надпись «Порядочный» на лбу уберегли Гришиного папу, Бориса Марковича, во времена маниакальных компаний вождей и одновременно делали его незаменимым советником, экспертом и просто поверенным человеком всевозможных комиссий и деятелей, решавших судьбу России на востоке. Преклонный возраст Бориса Марковича, казалось бы, давал ему право на покой, удалённость от дел, да и на внуков тоже.

Ан нет. Не было у Гришиного папы ни внуков, ни покоя...

Будучи сам в гуще политических событий, Гриша понимал, что профессия отца – историк-востоковед – скорее диагноз, чем просто специальность. И если в горячке Гриша иногда позволял себе слегка менторский тон по отношению к престарелым родителям, потом, одумавшись, осознавал, сколько, а, главное, какой информации в седой голове отца... Да и давно уже мечтал он освободить, наконец, время для общения с родителями, сколько им осталось...

Было очевидно, что информация эта очень кому-то нужна, потому как время от времени к отцу наведывались молодые псевдоколлеги как с восточными глазами, так и с европейскими. По всегдашней своей занятости Гриша не мог контролировать все контакты простодушного отца, однако пару раз пробил по своим каналам предъявленные документы ходоков. Установив липу, задумался: к чему бы это?!

Однажды Борис Маркович заподозрил аккуратный обыск в их квартире, когда они с женой несколько часов пробыли в поликлинике, а Гриша был в отъезде.

В редкое свободное время им с отцом было о чём поговорить. С трудом обходя щепетильность отца, данные им сто лет назад непонятно кому обещания и подписи, Гриша всё-таки пытался выуживать из него всякие интригующие тайны.

Теперь же, решив отойти от активной партийной работы, Гриша всерьёз решил выяснить интерес ходоков к его отцу и анализировал уже полученную информацию. Было ясно, что это могут быть старые улики, полузабытые тайны, а также ценности...

Замшелые улики и компромат его, как функционера практически бывшего, уже мало интересовали, а вот секреты каких-нибудь сокровищ вполне могут иметь осязаемый интерес и горячить кровь. Тем более, что в те смутные времена на действительно времена и местами аккумулировались, перемещались и прятались немалые ценности, как правило, экспроприированные.

Слухи о вагонах с золотом адмирала Колчака, кладях атамана Семёнова, золоте белочехов, драгоценностях китайских императоров мог не слышать только глухой. Восточные перипетии тех времён никак не могли миновать их летописца. Чувствовалось, однако, что у Бориса Марковича есть большие сомнения по поводу рассекречивания соответствующих документов и тайн...

Однажды Гриша попросил знакомых муровцев отследить очередных ходоков к отцу. Результат не только усилил недоумение, но и зародил опасения: те профессионально обнаружили хвост и ушли на предельных скоростях чуть ли не с пальбой.

Гриша забеспокоился... Вспомнил давний разговор с вождём по поводу запасного аэродрома, и как-то быстро решился, видимо, витавший в воздухе, вопрос о строительстве небольших домиков в тихом, надёжном месте для семей, да и для себя тоже. Место обсуждалось недолго: Кипр.

Конкретные, «сваренные», как он сам говорил, вопросы Гриша решал азартно и напористо, стратегически продуманно, технически грамотно, экономически безупречно. В течение недели он мотанулся на Кипр, выбрал место и незавершённое строительство, утоптал двух братьев-подрядчиков на 10-ти-летнюю ссуду, вписал в договор фантастически короткие сроки окончания строительства и такие же немислимые штрафы за их срывы, с предельно наглым видом выведальничал в мэрии городка о генеральной застройке, собрал све-

дения о будущих и теперешних соседях – это была его стихия...

Краткое знакомство автора с этим человеком привело к стойкому убеждению: полсотни таких менеджеров в руководстве государства за одну пятилетку способны вывести Россию с её ресурсами из аутсайдеров в мировые лидеры, и золотой российский рубль, как и при царях, опять стоил бы долларов девять...

По истечении шести недель Гриша объявил родителям о переселении, не без пафоса выдав это мероприятие как осуществление давней мечты стариков о маленьком домике у моря; в самом деле, почему бы и не быть такой мечте?!

Переезд и обживание прошли своим чередом, восторги стариков не кончаются до сих пор; в ближайшем супере был открыт кредит на покупку товаров жизнеобеспечения, море ласкало, солнце сияло, под эту лепоту и решил Гриша возобновить разговоры с отцом.

Позиция отца в разговорах такого рода была Грише, в общем-то, известна. Старорежимный профессор предпочитал говорить, сберегая время, только о документально подтверждённых фактах. Зная это, Гриша и вернулся к их двухлетней давности разговору о части золотого запаса России в 86 тонн, стоимостью тогда в 111 миллионов золотых рублей, а теперь без малого один миллиард долларов, которую Верховный правитель России адмирал Колчак среди прочего переправил в Японию на хранение.

И если судьба других частей золотого запаса России малоизвестна и небесспорна, то получение 86 тонн в золотых слитках в конце 1919 – начале 1920 подтверждено документами Гонконг-Шанхайского банка и Иокогама Спеша Банка. Об этом с подачи Гришиного папы было доложено вождю Гришиной же партии, и тот с присущим ему глубоко продуманным эпатажем и напором выступил с трибуны Государственной думы с предложением начать переговоры с правительством Японии о возвращении российского золота. Плюс, понятное дело, процент за хранение, минус, как водится, оплата полученного оружия...

Поддержку, однако, это предложение не получило, вероятно, из-за высокгеополитических мегапричин, что у Гришиного папы вызвало недоумение, а у самого Гриши очередную лёгкую и объяснимую грусть.

Поэтому теперь, вполне резонно рассудив, что без высокой политики с её мегапричинами ему самому решать что-то будет как-то сподручней, Гриша и вернулся к той истории.

А имела та история ещё один подсюжет. Оказывается, в то же самое время по приказу адмирала Колчака в Японию отдельным вложением за № ИР-1919/1238 в Иокогама Спеша Банк были переправлены и приобщены к неслиянной части вклада новые высшие российские ордена, учреждённые до Колчака так называемым Всероссийским Временным Правительством или Директорией.

Из-за бурности и скоротечности событий эти ордена успе-

ли получить всего несколько человек. Речь идёт об орденах «Освобождение Сибири» четырёх степеней и «Возрождение Сибири» четырёх степеней. Изготовлены они были из драгоценных металлов в количестве...

А вот в количестве-то их и была та самая собака зарыта. Возврат золотых слитков с царским гербом был обусловлен массой вопросов – отсутствие мирного договора, спорная правопреемственность, оплата долгов, отсутствие документов и тому подобное – к тому же золото – оно и в Японии золото. Вопрос же с возвратом российских орденов казался проще: японца за освобождение или возрождение Сибири ещё пока рано награждать, переплавлять стыдно, но, самое интересное, документы-то на возврат вовсе и не требовались.

А требовалось, по информации Бориса Марковича, для получения вклада по договору хранения № ИР-1919/1238 предъявить точный перечень этого вложения; а его-то никто и не видел...

То есть кто-то, конечно, видел. Видел штабс-капитан Киселёв, ведший по приказу Колчака дневник экспедиции по захоронению казны, у того дневник видел Павел Афанасьевич Россомахин, бывший штабс-капитан, бывший полковник советской армии, работавший впоследствии краеведом в Тюменской области и умерший в 1956 году. Ещё дневник мог видеть, если он там ещё был, кто-то из чекистов, передававших в 1991 году на госхранение архивы КГБ по Тюмен-

ской области – и всё...

И абсолютно никто не знал, что папа Гришин, Борис Маркович, тоже видел этот документ у П. А. Россомахина во время их последней встречи в Тюмени незадолго до его смерти. Мало того, Борис Маркович, зная настроения П. А. Россомахина, был убеждён, что тот перед смертью уничтожил дневник «золотой» экспедиции Колчака и перечень переданных орденов в том числе.

Разговор о настроениях и нравах участников восточных событий 1919 года и причинах, заставивших русского офицера унести с собой в могилу тайну русского же золота, выходит за тему этой повести и, конечно же, достоин собственной...

Мы же пытаемся войти в Гришино положение...

Судите сами: перечня вложения по упомянутому договору нет, как нет и самого договора, скорее всего, они уничтожены Россомахиным. Но есть феноменальная папина память...

Итак, Борис Маркович точно помнил, что позиций в описи вложения было девять.

Он уверенно назвал семь:

1. Орден «Освобождение Сибири» 1 степени – 20 крестов и золотая звезда к нему – 20 штук;
2. 2 степени – 90 с чем-то;
3. 3 степени – 296 или

298;

4.4 степени – 1000 крестов;

5. Орден «Возрождение Сибири» 1 степени – 20 крестов и золотая звезда к нему – 20 штук;

6.2 степени – 100 крестов;

7.3 степени – 300 крестов;

8.4 степени – 1000 крестов;

9. Золотые слитки Российского Банка – 109 штук по 8 килограммов и один по килограмму.

То есть ордена «Возрождение Сибири» не успели выдать ни одного: сколько изготовили, столько и отправили в Японию – Сибирь же ещё только возрождается...

Таким образом, Грише предстояло узнать, сколько орденов «Освобождение Сибири» 2-й и 3-й степеней успели выдать воинам-героям или каким-то образом активизировать папину память.

И тогда Гриша разбогатеет по скромным подсчётам на три миллиона долларов законного вознаграждения; ну, и приключения, разумеется, в придачу...

Глава 2.

Найти в соответствующих архивах количество награждённых искомыми орденами казалось Грише более вероятным, чем рассчитывать на пожилую память родителя, хотя он не отвергал и такой исход.

Практичный Гришин ум быстро родил стратегию. Первым делом предстояло подтвердить наличие вклада за № ИР 1919/1238 в конце 1919 года в Иокогама Спешу Банк в Японии.

И тут он вспомнил Мыча, то есть Валентина Акимовича, своего друга со студенческих времен, деятельность которого и была как раз связана с Дальним Востоком. Сейчас уже и не вспомнить, какими путями, а только теперь выпускник восточного факультета МГУ с прекрасным английским и хорошим японским числился каким-то не последним чиновником по Министерству природных ресурсов.

Практически Мыч торчал то в Японии, то во Владивостоке, то в Москве и везде решал не всегда решаемые вопросы добычи и продажи морепродуктов. Служба такая не мешала, а скорее способствовала жизни плейбоя, а потому был Мыч в расцвете всего...

Виделись они последний раз больше года назад, когда жизнь Мыча неожиданно дала трещинку, потому как влюбился повторно в свою же бывшую жену после шести лет раз-

вода; а у той уже и семья другая... Словом, требовалась жилетка, в которую Мыч мог поплакаться, принявши на грудь, и голова, которая по трезвости составит второй ум. Такие жилетка и голова имелись только у его друга Гриши Гончаренко.

Гудели они тогда во Владивостоке трое суток, по истечении которых резонно постановили наступить на горло Мычовой страсти, и оставить бывшую спутницу жизни в покое, и как только... так искать новую.

Теперь сговорились увидеться дома у Мыча в Москве.

Чему, собственно, радуются при встрече друга со студенческих времён, размышлял Гриша, приближаясь в самолёте «Кипрских авиалиний» к Москве? И, подумав с улыбкой в сладкой дрёме, выделил главное: душа с ними отдыхает. И заснул...

— Гляди! В штанах! — приветствовал Гриша друга в дверях его квартиры. Им обоим были душевно приятны воспоминания, когда в эту же дверь много лет назад поутру позвонила компания из друзей и подруг, что-то накануне крепко отмечавшая, и дверь им открыл помятый Мыч в рубашке с галстуком и без трусов...

Теплеет на душе и хочется жить, когда после разлуки обнимешь и похлопаешь друга по надёжной спине.

У Мыча был гость с Дальнего Востока, хорошо Грише знакомый легендарный «начальник Японского моря» Мефодич. Суров и крут был заросший медноволосый гигант с задубев-

шей на лютых северных ветрах кожей. Широко посаженные ледяные, всегда прищуренные глаза смотрели в упор и видели насквозь. Огромные арктические ботинки казались каменными, как у памятников, руки с заскорузлыми пальцами и выцветшей татуировкой могли задушить волка...

И было совершенно непонятно, чем думал тот «дед», возжелавший объяснить такому вот новобранцу армейские порядки. Мефодич потом разводил руками: я, говорит, один раз и толкнул-то его, в грудь. «Дед» в госпиталь надолго, Мефодич в дисбат.

Магаданский дисбат, однако, оказался в судьбе Мефодича отправной точкой, даже двумя: во-первых, познал и полюбил холодное Японское море, да и остался здесь навсегда. А, во-вторых, встретил здесь такую же побитую душу и дородное тело – это была его Галя. И по сей день промеж ними незатейливая любовь, большое уважение и четверо крепеньких ребятишек.

Числился Мефодич по ведомству Мыча, осуществлял всякие отловы в научных целях; и все знали, что себе Мефодич берёт только по потребности – детей кормить-растить, дом соблюдать, Галю по случаю слегка побаловать, ну, и, конечно, шхуну содержать. За честность и благородство уважали его и русские погранцы, и японская береговая охрана. Причём японцы-то, когда давали ему право входа в свои порты, первыми и прозвали «Ме-фо-дися» начальником Японского моря. Это внутреннее море он действительно исходил

вдоль и поперёк и не раз помогал и нашим, и японцам.

Мечтой всех дальневосточных браконьеров была его шхуна «Галина». Лучшую японскую электронику, вымененную у японцев на крабов, он обогатил русской смекалкой, дрызья-моряки с атомоходов снабдили его каким-то лишним стратегическим металлом, в результате чего начальник моря всё видел, всё слышал, ходил быстрее всех и дальше всех.

По молодости, после дисбата, пару путин отходил рыбаком на сейнере, но из-за шутки над боцманом его «ушли» и порекомендовали в научный флот, так он и попал к Мычу. Шутку ту вспоминать не любил, дурак, говорил, молодой был, но хорошим людям при случае не отказывал.

Боцман тот самодурствующий Мефодичу не нравился, поэтому как-то поспорил он с ним, что соблазнит новенькую судовую врачиху, что слыла неприступной. «Только, – говорит боцман, – чтоб доказательства железные были!» Ну, Мефодич и предложил ему спрятаться в шкаф в его каюте и самому всё разглядеть, ещё и подушку дал для удобства. А потом пошёл в кают-компанию и заявил: «Какой-то, – говорит, – странный у нас боцман: зачем-то в мой шкаф спрятался, ещё и подушку взял...»

В Москве Мефодич обычно больше трёх дней не выдерживал, начинал канючить и проситься домой. Мыч знал про эту его слабость, поэтому обратный билет брал ему на определённое число, чтоб раньше не сбежал, а вкусил немного столичных прелестей. В ответ был прозван вурдалаком,

смадом дышащим...

С этими мужиками Гриша мог не выбирать выражений. После третьей рюмки «Столичной» им уже всё стало ясно, поэтому четвёртую они выпили за Родину.

По своим служебным обязанностям Мыч крутился среди очень живого дела, больших денег и лихих людей. Честная русская душа его болела от бездарности князьков всех мастей, ненасытного воровства и продажности чиновников, от безысходного пьянства россиян...

Со слезами на глазах они живописали Григорию о небывалом приходе лосося на нерест в 2002 году, как они своими глазами видели берега нерестовых речушек, покрытых толстым слоем красной икры, и все мелиоративные трубы и каналы, забитые мёртвой и гниющей красной рыбой...

И всё потому, что среди засранцев, ведающих квотами на рыбодобычу, не нашлось никого, кто оперативно разрешил бы их временно увеличить. Потом один нашёлся, взял на себя в последний момент, так за это теперь и сидит...

«Всё не так, ребята-а!», – надрывно спели они на два голоса с иерихонской трубой, потом по традиции позвонили двум своим приятелям в Белоруссию, чтобы подразнить свободой примерных женатиков, потом бурно обсудили и отложили до лучших времён идею Мыча вызвать девочек, потом дискутировали на тему: стоит ли принимать какие-то голландские таблетки, нейтрализующие алкоголь, из арсенала Мыча, решили, что не стоит кайф ломать... Угомонились

под утро.

Утром же – только крепкий кофе; гудевшие слегка мозги – от сигарет, наверное – никогда не мешали им переключаться на дело. Решили: Мыч отбывает в Японию узнавать про наличие вклада № ИР-1919/ 1238 в Иокогама Спешу Банк, Гриша – по старым связям в архивы, гость – развлекаться в Политехнический музей.

К концу недели чистый голос Мыча за десять тысяч километров от Гришиного уха сообщил условное: «Всё о'кэй, старик!» Это подтверждение наличия вклада адмирала Колчака было первым практическим результатом этой истории...

Глава 3.

Если принять за истину, что дети артистов рождаются за кулисами, дети спортсменов на стадионах и в спортзалах, тогда Гриша Гончаренко родился в архиве. Ибо архивы были рабочим местом Гришиного папы, да и он сам чувствовал себя там как дома. Без слепых поисков, быстро, уверенно и профессионально просеял он всю имеющуюся информацию по теме и выяснил:

1. В мае 1919 года после проведенной по приказу Колчака ревизии золотой запас России составил 495,873 тонны стоимостью тогда в 695 321 170, 86 золотых рублей.

Часть этого золота в слитках с печатями Императорского Банка России в несколько приёмов были переправлены в Японию в оплату за вооружение, а также на хранение. Однако в доступных архивах упоминаются документы только на депозитные вклады в Июкогама Спешу Банк и Гонконг-Шанхайский Банк на сумму 111, 050 миллионов золотых рублей (сейчас это около 1 миллиарда.\$) общим весом 86 тонн.

Причём режим Колчака рухнул буквально через несколько дней после отправки этого золота, а это означает, что израсходовать его не успели. Именно о возврате этого золота и говорил лидер очень демократической партии в Госдуме.

2. Судьба неслиянной части этого вклада в 873 килограмма золота в слитках 109 по 8 килограммов и 1 по килограм-

му не установлена.

3. Из информации по орденам «Освобождение Сибири» и «Возрождение Сибири» есть только их описание, причём Гриша, как опытный архивист, по некоторым признакам почувствовал изъятие некоторых документов на сей счёт.

Был ещё архив КГБ, но туда Гриша попасть не смог.

Зато попал в ФСБ, причём не в архив, а в кабинет полковника Ряшенцева по повестке.

Вопросы полковника вокруг да около, да за жизнь скорее насмешили Гришу, чем разозлили:

– В чём дело-то, товарищ полковник?! – с обезоруживающей простотой спросил Гриша, и буравивший его серыми глазами чекист решил, что с таким «простым» и разговаривать лучше проще.

– Поймите меня правильно, Григорий Борисович. Вы подняли все документы по русскому золоту времён адмирала Колчака.

«Работает контора!», – не без удовлетворения успел подумать Гриша.

– Мы знаем вас и вашего отца как интеллигентных людей и патриотов России, поэтому подумали, может быть, нужна наша помощь в ваших исследованиях.

Такого рода «помощники» всех мастей и рангов не раз попадались Григорию за прошедшие бурные годы партийной работы, поэтому он знал точно, что помощь от них может быть неоценимая, если не будут мешать...

«Ну, что ж, патриот, так патриот», – подумал Гриша и живо откликнулся:

– Да-да, разумеется. Меня как историка волнует судьба российских орденов, которые в смутные времена могли попасть в чужие руки. Ведь мы с вами знаем, что адмирал Колчак – единственный из всех правителей, который в то время награждал своих воинов и орденами Святого Георгия, и Георгиевскими крестами, и другими тоже; ни Врангель, ни Деникин этого не делали. Вот я и хочу узнать, куда делись эти ордена после падения колчаковского режима.

«Обижаешь, господин Зисман-Гончаренко, за дурака держишь. Знаешь ведь, голубчик, что вместе с орденами где-то лежит и золото, оно-то тебе и нужно, хотя и ордена не из дерева...» – в своей априорной победе над собеседником полковник, похоже, не сомневался.

– Весьма похвально для русского историка способствовать возвращению в Россию её реликвий, весьма. Мы постараемся вам в этом поспособствовать – закончил полковник Ряшенцев и подумал: «Ты копай, милый, копай, как докопаться, мы будем тут как тут...»

Немного разочарованный скудными результатами московских поисков, Гриша летел в Тюмень, где в 1991 году тюменские чекисты обнаружили в своих архивах описание новых сибирских орденов. К тому же именно здесь работал директором краеведческого музея П. А. Россомахин, который, скорее всего, здесь и обнаружил дневник штабс-капи-

тана Киселёва об экспедиции по захоронению колчаковского золота.

После трёх дней копания в архивах Гриша как-то буднично обнаружил, что за ним следят; следят просто и бесхитростно. «Странно, – подумал Гриша, – контора полковника Ряшенцева могла бы работать и более аккуратно».

Когда же к нему на исходе очередного дня подошли два крепких вежливых мужичка и предложили с ними проехаться, чуткий Гришин внутренний голос подсказал: это не ФСБ... Беспокойства Гриша не испытывал: как никак, это всё-таки продвижение вперёд. Но кто?!

«А вот кто», – подумал Гриша, когда его привезли в виллоподобный дом где-то за городом и провели в шикарную гостиную. В огромном кожаном кресле сидел маленький, худой, лысоватый старичок с характерным лицом народов Севера. «Трое таких в кресле поместятся», – не успел подумать Гриша, как хозяин заговорил:

– Григорий Борисович, все зовут меня Тунгус, – слабым голосом без акцента, однако, изрёк хозяин.

– Как вам наша погода?

«Ну, да, ты за этим меня сюда и заташил, чтобы про погоду спросить», – подумал Гриша и произнёс:

– Холодно, однако...

– Присаживайтесь, пожалуйста, угощайтесь... – Тунгус рукой с чёрными чётками показал на белый кожаный диван и столик возле него с добротной закуской и выпивкой.

«А что, – мгновенно выбрал тон Гриша, – почему бы бедному историку и не подхарчиться на халяву», – и с большим удовольствием выпил запотевшую рюмку какой-то дивной настойки; посмаковал и, одобрительно закивав головой, взялся за бутерброд с чёрной икрой.

На лице Тунгуса было написано искреннее удовольствие от своего хлебосольства; он смачно раскурил маленькую трубку и по комнате поплыл сладковатый аромат.

– Чем могу быть полезен? – насытившись и тоже закулив свой Marlboro, пригласил к делу Гриша.

– Сибирь большая, а народу здесь мало, каждый человек на виду, не то, что у вас в Москве – философски начал Тунгус.

– У нас с большим уважением относятся к людям, изучающим Сибирь и Дальний Восток. Тем более, что это делает целая династия историков. Кстати, как себя чувствует ваш батюшка? Говорят, врачи посоветовали ему поменять московский климат на более тёплый?

«Так вот кто делал неаккуратный шмон в нашей квартире; а аккуратный – значит, контора полковника Ряшенцева. Если сейчас и этот помощь предложит, прямо близнецы будут с полковником».

– Я просто хочу предложить свою помощь в ваших сибирских изысканиях, – полностью оправдал Тунгус Гришины умозаключения.

«Тогда и смысл этих одинаковых встреч должен быть схо-

жим», — думал Гриша, когда его после обоюдодружелюбной беседы и сытного ужина везли в тёплом джипе посреди жуткой метели назад, в гостиницу. «Ищи, но знай — мы рядом! Найдёшь — поделись по-хорошему! Мы тоже ищем! Да, в общем, это не так и важно, значит, есть, что искать — это главное».

Тогда почему чувствуется разочарованность? Подумав, Гриша пришёл к выводу: через архивы ему с такими опекунами не пройти; искать для них и делиться с ними было не в его правилах... Значит... Нет, надо ещё дождаться результатов поиска Мыча в архивах Владивостока и окрестностей.

Кстати, а где Мыч?

А Мыч в это время занимался не совсем архивным делом, правильнее сказать, совсем не архивным. Нет, в архивах Владивостока он был, искал и нашёл... Её звали Жанна. Намешенная в её жилах кровь декабристов, мятежных кавказских князей и чукотских шаманов дала поразительный результат. Обволокла, окрутила... Мыч и опомниться не успел... Третьи сутки стены казённой квартиры, которую Мыч занимал во время командировок на Дальний Восток, слышали лишь стоны, воркование, звон бокалов или храп.

Сразить сорокалетнего плебоя мудрено, но тут, наверное, «совпали все впуклости и выпуклости», как говорил о гармонии Михаил Жванецкий. Мыч и сам себе удивлялся: чтобы третьи сутки подряд ему хотелось стянуть трусы с одной и той же женщины...

А архивы времени не боятся. Несколько дней на фоне веч-

ности – миг...

«Кто она?» – думал Мыч в редкие минуты отдыха. Всякое в голове перебрал и остановился было на засидевшемся, нереализованном и скопившем энергию незаурядном женском организме. Остановился бы, но почему-то мешало её просматриваемое до навязчивости желание спoitь его. Для чего?! Это он и решил выяснить, заказав на следующий день три бутылки виски; мы-то знаем, он рассчитывал на подарок бывалых друзей – голландские таблетки для отрезвления; они действуют, он проверял...

Поскольку руки свои он никак не мог отлепить от её точёного тела, виски в него в основном она вливала сама. Наступил момент, когда Мыч должен был свалиться, он и свалился, сходяв предварительно в туалет... Причём свалился так, чтобы одним глазом была видна практически вся квартира.

«Е-ес!», – обрадовался протрезвевший Мыч, когда, дождавшись его храпа, голенькая Жанна начала что-то активно искать в его бумагах. Её круглые бёдра с полоской незагорелой кожи и так хорошо изученной причёской на лобке соблазнительно мелькали перед прищуренным глазом храпевшего Мыча.

Когда Жанна в растерянности остановилась посреди комнаты, соображая, где ещё поискать, Мыч вдруг трезвым и не сонным голосом спросил:

– Помочь?

Странная у неё была реакция: сразу вскрикнула, поче-

му-то закрыла руками свою бабочку и схватила что-то из тряпок прикрыться... Непотерянная была женщина Жанна, раз, опомнившись, села, закрыла лицо руками и от стыда тихо заплакала.

Мыч жалел её, гладил по голове и, как ребёнка, успокаивал...

Спустя какое-то время, Жанна решила, что сама должна всё рассказать.

История немудрёная: такая у неё была должность – подсадки – в обширной империи Тунгуса.

Объединённая сибирско-дальневосточная братва поручила матёрому вору в законе Тунгусу пасти дела о наследствах, поэтому архивы были и его рабочим местом.

Засветившись там, Мыч подлежал полному просвечиванию: красивая, опытная женщина сделает это приятно, быстро и безболезненно. Сказав всё это, Жанна опять заплакала от неблагодарной своей службы, но Мыч её остановил:

– Ну, всё нормально, что ты... Так и доложи: чокнутый, мол, коллекционер из патриотов разыскивает ордена царской армии, которыми Колчак награждал своих белогвардейцев и которые после его скорого разгрома не обнаружены до сих пор. И всё.

В подтверждение сказанного Мыч показал ей кое-какие бумаги и даже подарил один архивный запрос.

С просветлённым лицом Жанна ухватилась сначала за эту версию, а потом за самого Мыча... С благодарностью и лю-

бовью распластала она его на толстом ковре на полу; своё тело и свои ласки она, казалось, отдавала ему с запасом, потому что оба понимали — это в последний раз...

Глава 4.

В Гришиной квартире на Автозаводской они с Мычом подвели итоги.

– Через архивы и вообще с засвечиванием нам не пройти, – придя в надлежащую для выводов форму после второй рюмки холодной «Столичной», резонно заявил Мыч.

– А если и пройдёшь, то отдашь жену дяде, а сам пойдёшь к бляди, – не очень жизнерадостно, но довольно точно поддержал друга Гриша и продолжил: – А похоже, что ни у кого и нет ни хера, иначе бы давно всё выгребли, а вклад-то цел. Это значит папулькины семь позиций из девяти – лучший результат.

– За Марковича... За папульку...

– Найдём экстрасенса или гипнотизёра, он нам ещё две позиции враз добудет.

– Не, гипнотизёра нельзя, годы бабкины не те, опасно...

– Ну, есть же приёмы активизации памяти...

– Пожалуй, есть, я этим займусь.

– За память... За память...

А пока друзья взяли тайм-аут, и Гриша улетел к старикам на Кипр.

Напряжённые будни по добыванию денег для родной, очень демократической партии приучили Гришу без нужды ситуацию не подстёгивать. «Бог даст, чего не миновать!» –

говаривал Гришин партайгеноссе.

А на Кипре старики Гришины вовсю наслаждались последними радостями. Маму Олю кто-то из новых приятельниц привлёк в некую приличную секту, она нашла там единомышленниц из нескольких стран и теперь с удовольствием посещала спевки-тусовки. «Вот начала в песнях Бога благодарить, и ноги перестали болеть», — со знанием дела заявляла она всем.

Борис Маркович был весь в мемуарах; привыкший за всю жизнь к строгому костюму с галстуком, здесь заметно раскрепостился и щеголял в шортах и майке, чему был рад, как ребёнок. Привычка всегда с любовью подтрунивать над женой помогала им скрашивать одиночество. Кипр принял этих людей...

Гриша пожурил стариков, что мало покупают фруктов; это мама никак не привыкнет брать в магазине без денег, на запись, и боится растратить Гришины деньги. Он сам взялся за покупки, обошёл все ближайшие лавки и суперы, и когда посыльные всё привезли, мама Оля запричитала: «Гриша! Ты зараз спустил нашу пенсию!», Гриша не стал расстраивать мать по поводу размеров её пенсии.

После Сибири Гриша отдыхал душой и телом. Он мог часами сидеть на веранде второго этажа и на ласковом ветру любоваться всегда разным морем, фантастическими багровыми облаками на закате, багряным солнцем, быстро, на глазах уходящем за море и как бы выключающим день; труд-

но привыкнуть к отсутствию на Средиземноморье сумерек и вечеров в нашем понимании.

В один из дней Гриша как обычно гулял в прохладе громадного супера. В хлебном отделе он машинально глянул на девушку, резавшую хлеб; что-то необычное в ней заставило его остановиться. Он сосредоточился: во-первых, она не из понтийских греков, которых теперь тут наплыв из Греции и которые обычно делают такую работу. Во-вторых, её индийское лицо он явно где-то уже видел.

Постояв в отдалении и понаблюдав за девушкой, пошёл дальше. Не заметил, как, сделав круг по магазину, ноги сами привели его в хлебный отдел. Теперь и девушка обратила на него внимание и застенчиво, как в индийских фильмах, улыбнулась ему.

На следующий день им не надо было хлеба, но он опять пошёл смотреть на девушку и ломать голову: где он её мог видеть?! «Вот и мне, как и отцу, надо бы как-то активизировать память», – подумалось ему.

Девушка опять ему улыбнулась, тогда ему стало стыдно – ну, не школьник же он, в самом деле. Он подошёл к ней и сказал:

– Хай!

– Хай! – слабым голосом ответила девушка.

– Мы не могли видеться раньше? – по-английски спросил Гриша.

– Мне кажется, я видела тебя в позапрошлом году в Лон-

доне, — милая улыбка не сходит с лица. Подспудно Гриша заметил, что сноровки у неё маловато, а народу много, и он поспешил уйти, только спросил:

— Поговорим после работы, о'кэй?!

— О'кэй!

После работы он встретил её с подругой, студенткой из Швеции, проводил с разговорами до дома, который, к сожалению, оказался рядом. И ещё несколько вечеров они вот так втроём прохаживались в прохладе кипрского вечера. Потом шведка куда-то улетела, и щепетильная индианка как бы вынуждена была остаться наедине с мужчиной. Строгие нравы её страны, как ей самой казалось, нарушены были не сильно, поскольку этому русскому она почему-то склонна была доверять...

Гриша же на себя удивлялся и ломал голову: то ли климат, то ли годы, а только нравилась ему смуглая маленькая индианка. Ответ, меж тем, ещё проще: это судьба, и дальнейшие события целиком это подтвердят.

А Раджида, так звали девушку, тем временем засобира-лась на Родину. Ничего не пообещав, призналась, однако, что ей приятно быть с ним. В последний момент Гриша вспомнил, что ему сорок лет, и надо бы поактивней, и чуть ли не на ходу предложил ей стать его женой. В ответ лишь милая улыбка, воздушный поцелуй и томительная неопределённость потом.

Без неё Кипр стал вдруг скучным, солнце слишком жар-

ким, и он улетел домой в Москву, где в целях психологического отвлечения с большим энтузиазмом занялся поиском способа активизации памяти...

Глава 5.

Под ленивый дрейф шхуны «Галина» и возмущённые от отсутствия рыбы крики чаек в пятидесяти милях от родных берегов Мефодич пудрил гуманитарные мозги Мыча волнительными для него самого техническими прелестями своей шхуны.

– Ты пойми: на закиси азота я на форсаже могу увеличить ход на семьдесят процентов. Пацан наш какой-то придумал, а никому это, оказывается, и на хер не надо. Оно, конечно, мозгой и руками требуется пошевелить – а зачем? Зарплата и так капает, а высунешься – и её можешь лишиться, инициатива наказуема... Ты мне скажи, мил человек, отчего у нас всё через жопу делается?!

Мыч слушал Мефодича скорее из уваженьица.

– А погнали лучше к гейшам, а, Мефодич?!

– Ну, вот, опять ты не тем местом думаешь! Забыл, что ли, что у меня дома своя гейша имеется? Пока достаточно. И тебе пора свою заиметь, изблядовался весь, одни уши остались!

Мефодич полез вниз к несметным своим сокровищам, через пару минут вернулся с какой-то метровой трубой, похожей на ракету, и невзрачным на вид значком.

– Гляди лучше, чего я придумал... Не забыл, как у нас морских зверей считают? Присылают экспедицию человек

на пять, и они две недели за ними наблюдают. А я вот этим ревунком вдоль берега стрельну – зверьё пулей из воды вылетает, считай на здоровье! А этого вот клопа приколи куда-нибудь себе. Когда трудно придётся, нажми на него, я тебя найду; мало ли что, муж ревнивый попадётся или ещё какой злодей...

Мефодич знал, о чём говорил. В драке за несметные морские сокровища Приморья человеческая жизнь гроша ломаного не стоила.

Так оно спустя пару недель и обернулось...

На окраине города машину Мыча остановил гаишник, его попросили пересест в громадный джип, завязали глаза и везли часа полтора в сопки. Очутился на территории какого-то санатория. По длинному коридору провели в отделанный деревом кабинет, где мирно покуривал маленькую трубочку небрежно одетый маленький человек восточной наружности.

– Все зовут меня Тунгус. Валентин Акимович, присаживайтесь, пожалуйста. Я вас долго не задержу; расскажите мне только, что вас связывает с Григорием Борисовичем Гончаренко.

– Многое связывает: учёба, дружба, женщины...

– Вы меня не поняли, Валентин Акимович. Что вы намерены с ним найти в наших краях?

– Жён намерены найти, семейное счастье, как карта ляжет... – тянул Мыч время до выяснения.

– Не обижайте меня, Валентин Акимович! Что вы с ним ищете в архивах?

– Ах, вон вы о чём! – строил простака Мыч. – Нам хотелось бы прояснить судьбу российских орденов адмирала Колчака.

– Это я уже слышал...

«От Жанны?! – мелькнуло в голове Мыча; и откуда он знает про Гришу? А-а, выследили вдвоём, стервецы; ну, так ордена и ищем, только какие...»

Мыч знал про вора в законе Тунгуса, но по роду своей деятельности он сталкивался не с ним, добыча морепродуктов, видно, была не его епархия. «Архивы, гад, пасёшь, золото, клады, наследства...» – Мыч привычно искал манеру поведения с этим человеком.

– А что же ещё? Колчаковские ордена и ищем, мы же историки-востоковеды...

Тут Тунгус кивнул кому-то у дверей и вкрадчиво произнёс:

– Помогите, пожалуйста, господину историку освежить память.

«Вот те на, – мелькнуло у Мыча в голове, когда двое верзил настойчиво пригласили его в соседнюю комнату. – Это утюг на живот, что ли, у них освежитель памяти?! Сказать всё, что знаю, тогда утюг достанется Борису Марковичу – вот почему тот скрытничал – не-е, барбосы, перебьётесь...» – искал Мыч выход из положения и... вспомнил про значок

Мефодича.

Нажать его незаметно – секундное дело, а его меж тем усадили, как он понял, на детектор лжи. «Вот паразиты, всё у них есть!» – Мыч постарался сосредоточиться.

Десятка два вопросов – честные ответы, видимо, Тунгуса не удовлетворили; ещё раз, другие вопросы – тот же результат. Восточные глаза Тунгуса совсем от злости сузились.

– Колите! – прошипел он, и доктора-костоломы, привязав Мыча к креслу, сделали ему укол в локтевую вену, после чего он впал в полубессознательное состояние. Его что-то спрашивали, он что-то отвечал, потом совсем отключился...

Очнулся Мыч от резкого вонючего запаха – это Мефодич сунул ему под нос нашатырь. Чуть позже, оклемавшись, Мыч узнал, что по сигналу датчика и системе спутниковой навигации, которая у опытного моремана Мефодича присутствовала в обязательном порядке, его нашли омоновцы.

Тунгус их появлению сильно удивился, однако не растерялся и представил Мыча как своего перебравшего гостя и с заботливым лицом помогал грузить бесчувственное тело на носилки.

– Лучше бы ты по бабам ходил, чем по этим шакалам, – по-своему урезонивал его Мефодич.

– Неизвестно, кого теперь надо остерегаться, – оправдывался Мыч, отхлёбывая из кружки некий восстановительный отвар, приготовленный заботливым другом...

Глава 6.

Гриша Гончаренко возлежал на любимом диване, лениво почитывая информацию из Internet на экране ноутбука.

Биостимуляция, активизация, рестимуляция, аюрведа – что же поможет папушке вспомнить всего две цифры? Легко сказать – две цифры – прошло почти пятьдесят лет, но ведь помнил же он гораздо больше двух цифр...

Совсем задурил себе Гриша голову обилием информации и, перегруженный, готов был уже соснуть, как вдруг марш Мендельсона в его мобильнике встрепенул его – как мужики на мальчишнике поставили, так и не поменял мелодию.

– Ты еще хочешь меня видеть? – раздался тихий знакомый голос. – Тогда встречаемся через три дня на нашем Кипре, только тебя ждёт маленький сюрприз...

На крыльях любви и «Трансаэро» летел Гриша на Кипр, немало заинтригованный сюрпризом. Какой сюрприз? Секса ещё не было...

Секса, правда, ещё не было, но сюрприз был. Как бы слегка извиняясь, Раджида поведала ему при встрече, что девушка она не простая, она настоящая индийская принцесса, только хочет жить по-европейски. Поэтому закончила факультет международных отношений Оксфорда, однако мама её, напротив, настаивает, чтобы она вышла замуж за давно назначенного жениха и жила по древним традициям дома.

Поэтому, если Гриша не передумал, они могут быть вместе, но он, Гриша, должен быть готов к некоторым особенностям жизни полуопальной принцессы – папа её не препятствовал.

Гриша, разумеется, не передумал, поскольку почувствовал, что жизнь с принцессой, кроме всего прочего, таит в себе дополнительные выбросы адреналина... Он таки получит их сполна...

Получив от стариков долгожданное благословение, молодые недели две провели в их уютном доме. Это были медовые недели. Гриша был приятно удивлён сексуальной образованностью своей венценосной невесты, но не только.

Как-то Раджида предложила подлечить слегка занемогшего Бориса Марковича народными методами. Это были аюрведа, ароматерапия, массаж с маслами и иглотерапия. Так вот блаженствующий после массажа, утыканный иголками профессор ни с того, ни с сего вдруг признаёт:

– Двести девяносто шесть. Гриша, орденов 3-й степени в списке у Россомехина было двести девяносто шесть.

– Почему ты вдруг сейчас об этом вспомнил?! – изумился Гриша.

– Видишь ли, будучи в гостях у Павла Афанасьевича Россомехина в 1955 году, я тоже прихворнул, и одна его знакомая местная целительница меня выхаживала приблизительно такими же способами: и благовония, и массаж, и рефлексотерапия. Вот и всплыли в памяти всякие мелочи той поры.

Когда Гриша рассказал всё об их поисках Раджиде, она задумалась, потом тихо сказала:

– Но ведь это всё принадлежит твоему государству...

– Разумеется... – согласился Гриша, но тут же подумал, что вряд ли Раджида сейчас поймёт, а кто, собственно, теперь в России по-настоящему представляет государство...

В самом деле, кому конкретно он собирается отдать почти тонну золота в виде слитков и орденов?! Полковнику Ряшенцеву? В банк? Мэру? Губернатору? В фонд какой-нибудь? Он ещё и потом не раз задавал себе этот вопрос: и где тут Россия?! К однозначному ответу так и не пришёл, чему, впрочем, не удивился: он слишком хорошо знал все эти карманы...

Вскоре с добрыми напутствиями стариков они улетели в Россию строить семейную жизнь.

В ней, в семейной жизни, конечно, бывает всякое, только когда её, семью, создают две зрелые, мыслящие единицы, шансы на долголетие у нее, у семьи, весьма велики. (К окончанию повести первое десятилетие так и будет).

Как-то всё заладилось с самого начала...

И представление невесты-принцессы вождю и товарищам по партии, бурно-восторженно-одобрительное: «Принцы и принцессы всех стран, соединяйтесь!» «Что, принцесса не пьёт?! Научим!» «Отцепитесь от моей жены, а то подарю партии слона!...»

И церемония бракосочетания, яркая от национальных

одежд жён работников посольства, взволновавшая даже бывалую чиновницу ЗАГСа до забывания текста.

И главные супружеские обязанности, где опытный, как он сам думал, плейбой Гриша вынужден был признать кромешное своё поражение; сексуальную культуру Древней Индии принцесса освоила твёрдо, за что ошалелый Гриша ещё больше заужал её Родину.

То было не сумбурное трахание, то была церемония... Маленькое, смуглое тело Раджиды каждый раз по-новому, но всегда находило только ей известные струнки, под музыку которых сдержанный, в общем-то, Гриша рычал, рыдал, стонал и бился в конвульсиях, теряя порой сознание...

«Вот чему надо обучать в ФСБ русских женщин – никто не устоит», – думал Гриша после очередного потрясения.

И быт в огромной Гришиной холостяцкой квартире в сталинском доме на Автозаводской Раджида наладила сразу, уверенно и вполне комфортно.

Потекли счастливые будни: визиты, гости, беседы, Москва, секс, рождение дочери...

Последнее обстоятельство почему-то особенно взволновало Мыча – сам возмечтал, что ли? Сам себя назначил крёстным отцом, повёз крестить в свою родную Калугу к давнему и доброму знакомому архиепископу Калужскому и Боровскому Клименту.

Дело в том, что время от времени Мыч, пользуясь своим служебным положением, ухитрялся уговаривать своё небед-

ное ведомство на помощь родной епархии. То восстановить старинные часы на Троицком храме в городском парке, то подремонтировать Лаврентьевский монастырь, то построить при нём симпатичную часовенку....

Владыко Климент ведал в то время международными сношениями Русской Православной Церкви, но всегда находил время для обоюдоприятных бесед с Мычом.

Однако сюжет нашей повести требует вернуться к моменту седьмого месяца беременности Раджиды. К тому моменту они втроём с Мычом вычислили, почему Борис Маркович вспомнил одну из двух недостающих цифр: была похожая ситуация. Медицине известен такой приём реактивации памяти. И они решили повторить его ещё раз.

Однажды они уже пытались это проделать – результата не было, но надежда осталась.

Были и другие попытки вытащить из памяти профессора недостающую цифру: один спец с чудинкой вёл с Борисом Марковичем мудрёные психологические беседы и рассмешил того до слёз своей наивностью. Другой спец закормил старика до поноса спецпитанием; под махание рук толстой экстрасенсорши Борис Маркович молодецки засыпал; мама Оля предлагала петь песни про всеобщего отца...

Теперь к визиту на Кипр к профессору готовились основательнее. Сделали репродукции картин П. А. Россомехина из серии «Времена года»: «Вечереет», «Розовый закат» и другие. Приготовили кое-что из элементов возможного ин-

терьера его квартиры. Но главная ставка была на Раджиду и её аюрведу; во время визитов на родину она прошла соответствующее обучение.

Борис Маркович относился к этой игре, как и ко всему в жизни, с надёжной, десятилетиями отточенной иронией, однако любые знания уважал...

Только бурно пообсуждав его уверенный ответ: «Девяносто четыре!», они поняли, что дело таки в Раджиде: во время встречи профессора с Россомахиным его, Россомахина, дочь тоже ходила с большим животом и ждала ребёнка!

Вероятно, это обстоятельство дожало память Бориса Марковича, активизированную и предметами того интерьера, и картинами самого Россомахина, и индийскими маслами и благовониями, и, конечно, действиями самой Раджиды, и позволило профессору через сорок пять лет вспомнить однажды виденный список.

– Ты хоть сам-то осознаёшь, что теперь у тебя два сокровища сразу?! – возбуждённо тряс друга Мыч.

– Осознаю... – млел Григорий, с любовью обнимая жену за живот.

Вот теперь, после крестин крошечной Лизы, нам, вслед за Гришей и Мычом, открыт путь в Японию, в Иокогама Спешу Банк за вторым сокровищем. А вот что там...

Глава 7.

Сверкающий пол малолюдного холла центрального офиса Июкогама Спешу Банк в Токио уверенным чеканным шагом пересекали четыре колоритных джентльмена. Все четверо были в идеальных строгих костюмах, тёмных очках и приблизительно одного роста. В походках двоих по центру чётко просматривалось сознание собственного достоинства и удовлетворение результатами проделанной работы, двое по краям были явно в процессе своей работы, ибо были собраны и напряжены, как и подобает секьюрити солидного банка.

Джентльмены в середине несли по одинаковому блестящему чемоданчику небольших размеров, довольно, однако, увесистых. По бруску золота высшей пробы весом восемь килограммов с гербом Императорского Банка России лежало в тех чемоданчиках, и блеск брусков не мог не отражаться на лицах несущих их джентльменов.

Да, дорогой читатель! Многомудрая упорная работа наших героев, а это были они, закончилась полной победой! 109 таких брусков и один в один килограмм, 1410 золотых орденов «Освобождение Сибири» и 1420 орденов «Возрождение Сибири» открылись их взору, когда после предъявления точного списка и некоторых других формальностей, сотрудник банка распахнул бронированную дверь в хранилище ценностей.

Фантастическое зрелище штабеля тусклых золотых кирпичей и ящиков с коробками с орденами, а также чувство победителей и было главной наградой наших искателей!

Было принято решение переоформить вклад, изъяв шестнадцать килограммов золота, и с ним вернуться в Россию.

Вот с этим золотом, документами на него и в сопровождении самураев-секьюрити Гриша и Мыч чинно направлялись в порт Ниигата, где их ждал Мефодич на своей шхуне. После прохождения таможи секьюрити поклонились и исчезли. Мефодич же, выйдя из акватории порта, дал своей «Галине» крейсерскую скорость и, включив автопилот, неожиданно строго потребовал показать ему золото. О чём-то задумался, подбрасывая на руке восьмикилограммовый брусок. «Ну, акулы...», – только и сказал, довольный победой друзей.

Почему и для чего взяли только шестнадцать килограммов? Во-первых, больше везти первый раз незаметно тяжело, во-вторых, идея – кому сдать – родилась на встрече с архиепископом Климентом во время крестин Лизы, Гришиной дочери. Решили, что сейчас русская православная церковь имеет в России на это золото больше всех прав и заслуживает больше всех доверия. И, в-третьих, ровно в шестнадцать килограммов назвал владыко Климент вес похищенного в своё время золотого оклада одной старой иконы Божьей матери, которая была хранительницей дома Романовых. Так, по чуть-чуть, друзья и решили передать золото церкви под

документы о передаче. А ордена пусть пока полежат, где лежали восемьдесят лет, до лучших времён.

Никогда прежде такой груз таскать им с собой не приходилось, поэтому вопросы безопасности всплывали как-то сами собой. Решили, что пересечь почти восемьсот километров Японского моря спокойнее будет с его негласным начальником...

Стресс и напряжение только что пережитого снимали испытанной «Столичной», заготовленной заботливым Мефодичем вместе со знакомыми им морскими деликатесами.

– Вы как неделю не жрали, – удивлялся и радовался Мефодич волчьему аппетиту друзей.

– Адреналин, Мефодич, аппетит поднимает, – с полным ртом пытался объяснить Мыч.

– Ешь, ешь, – улыбался тот, – только потом гейшу не проси, нету, а то я знаю, у тебя адреналин не только аппетит поднимает...

За папульку, за Раджиду, за дочурку, за Мефодича, за море, за Галину, за Родину – так незаметно вошли в свои территориальные воды, и золотодобытчики захрапели в уютной кабине «Галины».

Частное от деления количества выпитой «Столичной» на вес могучего тела у Мефодича было просто смешным, поэтому он держал нос по ветру, ибо знал, как притягивает к себе этот тусклый жёлтый металл. Его мудрёная техника позволяла идентифицировать приближающиеся плавсредства, но

замеченный им сейчас на экране радара силуэт моторной яхты он встречал первый раз.

Через час силуэт пошёл на сближение с ними. Погранцов на их радарах он без нужды не интересовал, они его знали, уважали и доверяли. Этой же посудине явно было что-то от них нужно. «Вряд ли “Столичная”», – резонно рассудил Мефодич, но сладко храпящих пассажиров своих пока решил не тревожить.

Часа через полтора расстояние между ними уменьшилось до видимости в бинокль. Мефодич не стал на этот раз испытывать судьбу, а, включив пару раз свой знаменитый форсаж на закиси азота, легко оторвался от любопытных.

На скромной, но трогательной церемонии передачи золота в руки архиепископа Климента выяснилось, что в похищенный золотой оклад иконы Божьей матери, хранительницы дома Романовых, были вделаны несколько крупных рубинов, изумрудов и сапфиров. Драгоценными этими камнями щедро одарена родина Раджиды, поэтому у неё и родилась идея обратиться за помощью к землякам.

Спустя пару месяцев очередная аналогичная экспедиция в Японию прошла без приключений, а вот в третий раз их «Галину» за несколько миль от родных берегов встретила средних размеров быстроходная яхта.

«Сориентировались, сволочи», – подумал Мефодич, когда им по громкой связи было приказано остановиться.

– Кто говорит? – прогремел в мегафон Мефодич, не сбав-

ляя, однако, хода.

Последовала завораживающая пауза, во время которой Мефодич успел обдумать варианты своих ответных действий.

– Говорит Тунгус, – раздался, наконец, голос с идущей следом яхты.

– Приказываю остановиться или буду стрелять.

«Да нет, не будешь ты стрелять, паразит. Тебе золото нужно, а не наши трупы», – решили на «Галине». А когда Мефодич не спеша поднялся на верхний мостик и встал, расставив ноги и выкатив грудь, Гриша и Мыч поняли: он знает, что делать.

– А я начальник Японского моря, поэтому приказываю следовать за мной! – и дал «Галине» максимальный ход.

Что Тунгус, не догнав их в прошлый раз, подготовился теперь основательней, стало понятно, когда его яхта стала медленно настигать «Галину».

Бронзово-каменная фигура Мефодича с устремлённым в сторону берега хищным взглядом прищуренных глаз внушала спокойствие и уверенность, несмотря ни на что.

Мефодич гнал свою верную «Галину» вдоль родного берега, лихо обходя отдельные торчащие из воды камни, и вдруг... запел. То была единственная песня, которую он знал, и пел её в минуты наивысшего азарта. Не просто песня то была, то был его персональный боевой клич, его «Бан-зай!»

– Сте-е-ньки Ра-а-а-зина челны-ы.... – перекрывая рёв моторов, грохотал над водой, отчаянно фальшивя, его голос.

– Хорошо, что «Варяга» не запел! – сквозь грохот моторов и Мефодича прокричал Мыч на ухо Григорию.

– Потому что не знает! – проорал тот в ответ.

– Не-е, эта статуя что-то задумала, и песня эта – верняк Тунгусу реквием, держись крепче на всякий случай.

Мефодич меж тем орать-то орал, но сощуренными глазами, как радаром, рыскал между прибрежными скалами и носом «Галины», будто отыскивая одному ему известный азимут.

На полсекунды можно было уловить паузу в его пении – есть азимут! Точно при прохождении этой точки и налетела на невидимый камень более глубоко сидящая яхта Тунгуса, шедшая по их форвату. Раздался скрежет металла о камень, потом взрыв, потом плюхание о воду осколков, потом крик потревоженных на берегу птиц; это всё заняло секунд двадцать...

А потом пещерный рёв Мефодича:

– А-а-а ...Грёбанный женишень!!! (наверное, хотел сказать: Тунгус!) Навигацию изучать надо, а не ушкуйничать на море!

Сделав боевой разворот, вернулся на место взрыва, заглушил мотор; масляное пятно, обломки, чайки...

– Стрелять он будет, сучара... – И, не спеша закулив и оглядев ещё раз всё вокруг, как бы подвёл итог: – Писец,

однако, Тунгусу, гражданин начальник.

– И ч-что теперь делать? – спросил потрясённый Гриша.

– Ты пока разливай, а я доложу погранцам по форме, – невозмутимо пробасил Мефодич, будто каждый день скармливал крабам родного моря по вору в законе.

Глава 8.

«Хлопотно, однако, с золотом дело иметь», – подумал Гриша спустя пару месяцев, когда морское приключение уже стало и забываться, а его машину на Ленинградском шоссе вдруг стали брать в коробочку два похожих на бульдогов джипа.

– Григорий Борисович! С вами хотят поговорить, переседайте, пожалуйста, вон в ту машину, – вежливый, крепкий, одет прилично, глаза смышлёные. Кто бы это?!

– Ба-а, старые знакомые! Здравия желаю, товарищ полковник! – садясь в джип и узнав в штатском полковника Ряшенцева, воскликнул Григорий.

– И вам желаю здравствовать, Григорий Борисович! Простите, что захватили вас на дороге, но так, знаете ли, проще. Ну, что, нашли колчаковские ордена?

«Знает, конечно», – успел подумать Гриша.

– Нашёл кое-что, – с неподдельной гордостью сказал вслух.

– Поздравляю, поздравляю. И золото, значит, тоже?

– И золото, значит, тоже, – Гриша сам удивлялся своей наглости.

– Молодца, молодца. Распорядились, надеюсь, по совести?

– Ну, как же, товарищ полковник! Мы же с вами патриоты

России и законы уважаем...

И чтобы побыстрее прояснить ситуацию, достал из кейса всегда там лежащие квитанции о передаче драгметалла Управляющему делами Русской Православной Церкви.

Полковник внимательно изучил квитанции, лицо его неожиданно просветлело; ему явно понравилась идея наших золотодобытчиков передать Церкви отнятые у неё когда-то ценности. Хотел он сам погреть на этом руки или нет, теперь это уже не имело никакого значения...

– Я искренне рад, Григорий Борисович, что не ошибся в вас. Позвольте поздравить вас с успехом и пригласить к сотрудничеству.

Полковник вытащил из кармана визитку и протянул её Грише: «Охранно-сыскное бюро “Русич”».

– Да-да, Григорий Борисович, я в отставке, а поскольку сил и опыта не впрокорот, ведомство рекомендовало вот задеиствовать в такой форме.

«Интересная форма, – подумал Гриша, – мимикрирует контора».

– Всегда к вашим услугам, Григорий Борисович, все проблемы и затруднения в ваших изысканиях, по первому зову. Думаю, и ваши знания нам будут полезны, не откажите проконсультировать при надобности по старой дружбе.

«Поживём – увидим», – непроизвольно подумал Гриша, пожимая крепкую руку полковника и выходя из его машины; «это если только “экшена” опять захочется».

А пока период у него был другой. Лучи славы «золото-го» дарителя продолжали греть, дочура всякий день умиляла сорокалетнего молодого папу всё новыми откровениями, не забывали и друзья.

Любимая жена быстренько нашла себе нишу в пёстром московском обществе и даже организовала некий международный клуб, куда среди прочих деятелей умело привлекла и скучающих жён дипломатов. Теперь они пытаются там решать всякие локально-глобальные проблемы...

Одно время Гриша заметил, что от жизни такой стал поправляться. Светские рауты по любому поводу утомляли: темп не его, да и «Шампанскому» он предпочитал «Столичную». Поэтому когда случалась очередная ходка с Мычом и Мефодичем за драгметаллом в Японию, он, как застоявшийся жеребец, бил копытом, прятал ушами и раздувал ноздри...

Каждый раз, держа в руках холодный, тускло-загадочный брусок золота, он, казалось, впускал в себя жизненную энергию, накопленную в нём...

Правда, вернувшись из очередной экспедиции в Японию и передав несколько очередных слитков архиепископу Клименту, ставшему недавно митрополитом и Управляющим делами Русской Православной Церкви, Гриша почувствовал адскую усталость. Два дня отлёжки не вернули, как раньше, былой настрой, а даже наоборот, пожалуй, переросли в болезнь.

Голова гудит, сердце проваливается, давление не спадает,

психика на взводе, ночью кошмары...

Сначала крепился и не показывал, а когда уж равновесие стал терять, Раджида забила тревогу.

Доктора, анализы, обследования – кровь дурная, иммунная сбоит, гормоны взбесились: обозвали синдром хронической усталости. Гриша не понимал: от чего усталость-то и откуда хроническая?! Уколы, таблетки, процедуры – ноль эффекта. Потом светила хотели было, поддавшись моде, обозвать чем-нибудь атипичным, да никаких ни вирусов, ни возбудителей не нашли...

Гриша уже с остановками перемещался по квартире...

Заходил Мыч, уверял, что все болезни от недопития, хотя и поволок в онкоцентр, потом не знали, радоваться или нет, когда получили отрицательный ответ.

Вождь со товарищи убеждал, что Гриша погряз в сытости и спокойствии и что он, Гриша, как акула, жив только в движении, и звал на передовую.

Худенькая Раджида, всегда рассчитывавшая на надёжную Гришину спину впереди себя, выглядела растерянной, в основном от недостатка информации; с добротным диагнозом она готова была на многое.

Однажды походкой каменного гостя возник в комнате Мефодич с выцветшим мешком восточных снадобий и с порога начал по-своему вдохновлять Григория.

– Послушай, Гриша! – после раздачи подарков от домашних начал он многозначительно. – Какого хера ты тут, дру-

жок, разлётся, когда Дальний Восток просто-таки кипит от моря проблем! Я тут подготовил краткий список местных казусов, которые, кроме вас с Акимычем, решать ведь никому. Вставай, милоч, да впрягайся, пока у меня крыша от обиды не поехала. Грёбанный лангуст! У японцев ни хера нет, а как живут?! У нас-то чего не хватает, а?! Вот и я говорю: совести! Да, ладно тебе ручонками-то разводить! Найдётся и к твоей хвори ключик, не бывает иначе! У вас тут в Москве вообще здоровых нет, есть недообследованные; а твоя кукушка и вовсе ещё не родилась! Один дед, помнится, бухтел, что есть вообще только три болезни: лихоманка, почесун и нутряная грызь; всё остальное доктора себе для зарплаты понавыдумывали. Наша ж медицина, она только развлекает больного в то время, как организм его сам себя лечит. Китайцы уже четыре тысячи лет так живут, и, ничего, вона как плодятся!

Слушая необычайно разговорившегося Мефодича, Гриша как бы забывал о немощи, подпитывался, что ли, от восточного здоровья.

Каким-то боком разговор коснулся Мыча.

– Удивляюсь я на него, – не давая разговору затихнуть, продолжал Мефодич. – По службе своей давно уже должен быть по уши в дерьме. А к нему уж сколько годов не пристаёт ничего. За это время уж сколько таких, как он, или в могиле, или в тюрьме или в бегах... А как тут иначе, когда зарплата смешная, а подпись серьёзная. Уж я-то знаю, какие гроши

ему предлагали и наши, и японцы. Тебе одному скажу один раз: при мне пятьсот тысяч баксов в чемодане втюхивали за одну только подпись... Не обиделся, но и не взял. Зато вот когда у детдома здание забирали какие-то крутые рыбацки, приехал к их главному и только тихо сказал: «Не обижай сирот!» – враз отцепились. Знают, барбосы, по миру пустить может! Ты, Гриш, не знаешь, у них в Калуге все такие?!

Заговорились за полночь; ночей Гриша стал бояться, сна не было, одно кошмарно-мятежное полузабытьё с холодным потом. Поэтому он уговорил Мефодича остаться у них ночевать, Раджида постелила тому на здоровенном кожаном диване в Гришином кабинете.

Сна не было и у Мефодича. Обидно ему было до слёз: и так толковых мужиков с гулькин хер, и те уходят... Может, в самом деле кто-то на небесах забирает лучших в другую жизнь?! Тогда это не по-честному: разве здесь дел не хватает?! Вот тебе и планида: живёшь, живёшь, думаешь, вечно так будет, ан, нет... Вот тебе и медицина: понастроили-понавыдумывали, а коснись конкретного человека – и ничего сделать не могут! Правильно умные люди говорят: учиться надо столько, как будто будешь жить вечно, а жить надо, как будто живёшь последний день!

Проснулся Мефодич от шороха бумаг на столе. Протерев глаза, разглядел Григория, пишущего что-то за письменным столом. Заметив, что Мефодич проснулся, тот почему-то засмущался:

– Бумаги кое-какие надо привести в порядок...

– А-а, успеешь ещё сто раз! Ты мне лучше вот что скажи, мил человек: ты в этой квартире давно живёшь?

– Дольше не бывает – я в ней родился, а что?

– Так, интересно...

После тихого семейного завтрака всех развлекала непоседливая Лиза. Каким-то своим детским нюхом она почуяла, что от Мефодича знакомо пахнет детьми, и ползала по нему, как муравей по памятнику.

Потом Мефодич пошёл купить сигарет, и если бы Гриша мог в этот момент за ним понаблюдать, немало был бы удивлён странноватыми манёврами начальника Японского моря. Вначале он обошёл весь квартал и очень внимательно осмотрел крыши, подвалы и первые этажи прилегающих домов. Потом тот же маршрут проделал с остановками, во время которых смотрел, как качается его обручальное кольцо, подвешенное на нитке.

Вернувшись, он неожиданно попросил поночевать ещё одну ночь в Гришином кабинете; от радости Гриша даже забыл удивиться. После затянувшихся опять за полночь разговоров Мефодич, оставшись один, стал что-то в комнате искать; так в детективах ищут прослушку.

Ничего не обнаружив, так и заснул с задумчивым лицом...

Обнаружив утром Гришу, опять сидящим за своим столом, Мефодич стал опять задавать ему странные вопросы:

– Скажи мне, друже, что изменилось в твоём питании после женитьбы на Раджиде? К чему-нибудь своему она тебя приучила?

– Да нет, пожалуй... Ну, чуть поострее пища стала, а так всё наше, обычное. Наоборот, это я её приучил водку солёным огурцом или блинами с икрой закусывать...

Мефодич не отставал:

– Тогда пораскинь мозгой и вспомни, нет ли среди твоих знакомых, имеющих выход на спецов по обнаружению электронных приборов типа прослушки?

Раскинутые Гришины мозги вспомнили полковника Ряшенцева с его новой конторой. В вопросах здоровья Гриша был дремуч до безобразия, плюс к тому же болезненная апатия ко всему, поэтому он даже не удивился необычным вопросам Мефодича. Под его же натиском позвонил полковнику и кратко обрисовал свою просьбу.

В течение получаса прибывшие незамедлительно молчаливые сыскари, обвешенные с головы до ног электроникой, нашли в настольном автоответчике миниатюрный генератор каких-то негативных сверхнизких частот, который и имел целью крепко подорвать Гришино здоровье и который за две ночи вычислил или учуял бдительный Мефодич.

Кто?! Зачем?! Тунгуса нет, с полковником дружба... По старой дружбе полковник за отдельную оплату пообещал ему найти и злодея.

Профессиональным его ищейкам понадобился один день,

и к его исходу техник городской телефонной сети уже кололся, что какой-то индеец за сто баксов попросил его это сделать.

Какой, к чёрту, индеец?! Откуда в Москве индейцы?! Почему он решил, что это индеец?! «Ну, он такой как Индира Ганди...» Тьфу ты, господи, этнограф хренов – индиец, индус, а не индеец!

Ещё через два дня вышли на студента РУДН, который и назвал, наконец, заказчика – своего родственника из Калькутты.

Когда же всё ещё ничего не понимающий Гриша ради интереса рассказал дома обо всём Раджиде, по её реакции он понял: она что-то знает. «Вот планида моя, – думал Гриша, слушая рассказ своей супруги, – собирался понаслаждаться покоем, а тут ещё один Тунгус, только импортный...»

А история стара, как мир. С детства, как и все дети знатных родов в Индии, Раджида была родителями обручена с одним таким же родовитым отпрыском, который теперь сын какого-то министра и который, соответственно, рвёт и мечет, что какой-то бледный босяк увёл у него принцессу. Видно, сильно хотел повысить сословие, а тут Гриша, вот он по обычаям Востока и решил известить соперника и вернуть себе принцессу...

Гриша смотрел на жену, любовался её поистине царской выдержкой и достоинством и думал, не перебрал ли он с экшеном в своей жизни...

Договорился сам с собой: кто ищет, того и находят...

Раджида решительно взялась своими путями прекратить эти дикие средневековые разборки и, видимо, сказала в посольстве своё венценосное слово.

Только вот с этого случая она вдруг так же решительно ввела в их семье культ здоровья...

Глава 9.

С каждым днём Гриша всё больше и больше поражался, как много знает его «сокровище» – эта смуглая миниатюрная принцесса древней и загадочной страны. Необычность её воспитания и образования Гриша почувствовал с самого начала их близких отношений.

Как и все мы, Гриша слышал с детства: Кама Сутра, позы, процедуры и прочее, и иначе, как к древнему чудачеству к этому не относился. Первый же год их интимных отношений заставил его понять, что есть культура секса, а что есть бескультурие. Почувствовав к своему стыду пещерный уровень своего сексуального опыта и образования, он в дальнейшем безропотно отдал инициативу своей любимой и экзотической жене, своему «сокровищу».

Она точно знала, что, когда и как надо делать, чтобы партнёр по сексу в беспамятстве проваливался в нирвану и возвращался оттуда умиротворённым. Ей трудно было понять, почему русских девушек не учат, например, развивать смолodu оргастические мышцы, или почему русские мужчины, кроме «Виагры», никак больше не могут усиливать свою потенцию. Ей обидно за русских женщин зрелого возраста, которые вообще ставят секс в зависимость от возраста... Сексуальным же образованием детей занимаются только родители, а чему могут научить сами необразованные...

– Как же этого не знать, если из-за сексуальной неудовлетворённости распадается треть браков... – вполне искренне не понимала Раджида.

– Согласись, Гриша: мир так устроен, что «Where there's marriage without love, there will be love without marriage – Брак без любви чреват любовью вне брака». Так сказал Франклин.

– Вот чем тебе надо заниматься, сокровище ты моё! Откроешь школу сексуального образования, будешь больше меня зарабатывать!

Раджида отмалчивалась в неуверенности... Она никогда не позволяла себе обсуждать с мужем внутрироссийские политические или хозяйственные вопросы – для неё это была Terra inkognita, земля неизвестная и непонятная. Однако в житейских вопросах она была просвещена вполне солидно.

Теперь же, с устранением причин расстройства Гришиного здоровья, Раджида устроила ему мощный реабилитационный период силами народной медицины:

– Гриша чистил сосуды, выпивая в день два литра лимонного сока и два литра дистиллированной воды – и всё;

– Раджида сказала: будем чистить печень, и Гриша героически проглотил триста миллилитров оливкового масла;

– Раджида до мелочей отрегулировала его питание, и Гриша послушно начинал день с овсянки с отрубями и заканчивал его кефиром, съедая в промежутке лошадиную дозу всякого силоса;

– Раджида научила его разным оздоровительным йогов-

ским позам, и Гриша безропотно пытался завязать в узел все свои конечности – слава богу, никто этого не видел!

– Раджида по два часа без перерыва капала ему на лоб тёплое, душистое масло, отчего Гриша засыпал, как ребёнок;

– пил Гриша только свежавыжатые натуральные соки, а также «живую», талую воду, и сам себе удивлялся, почему ему не хочется пива;

– каждый день у Гришы получасовая ванна с солями Мёртвого моря;

– а ещё ароматерапия индийскими благовониями, аэроионотерапия лампой Чижевского, и ещё, и ещё...

Прости, дорогой читатель, за подробности, но поражённый воочию результатами, устоять соблазну поделиться с тобой нет никаких сил. Как оно там повезёт нам с вами найти такое своё сокровище, не знаю, но знаю теперь точно, что может сделать сам для себя человек.

Урок, преподанный мудрой восточной женщиной, собравшей по крупицам вековой опыт целительства, очень наглядно показал, что можно и нужно управлять своим здоровьем.

Спустя месяца четыре к ним вновь ввалилась статуя Мефодича, принеся с собой неистребимый запах моря, ветра, табака, водорослей и рыбы.

– От, Раджидочка, ты и врезала этим докторишкам! – загудел он, уже безбоязненно обнимая своими лапами реабилитированного Гришу. Тот болтал в воздухе ногами, нешутейно задыхался где-то под мышкой у гиганта, а по ноге того

пыталась вскарабкаться маленькая Лиза.

Поставленный на пол Гриша, отдышавшись, робко спросил:

– А что, мне теперь и пятьдесят граммов нельзя за встречу?

– Почему нельзя? Здоровому человеку как раз можно больше, чем другим, – порадовала его жена.

Как Мефодич коптил, солил и вялил дары своего моря, знал он один, а только когда он выложил всё это на стол да разлил настойку на пантах и лимоннике, аромат, казалось, парализовывал людей на улице. Неожиданный энтузиазм к этим яствам проявила Лиза, в маму смуглая и худенькая. Мефодич тут же хлопнул кулачищем по столу и заявил:

– Решено, едешь летом к нам на откорм, будешь, как мои хлопцы!

Насладившись общением и дарами, потянулись закурить, смачно затянулись. В блаженстве Гриша изрёк:

– Раджида сказала, что здоровый организм две-три сигареты в день нейтрализует без последствий, я теперь только так, потом вообще брошу.

Мефодич сыто улыбался и согласно кивал головой: дескать, хорошо тебе с такой жёнкой...

Лёгкая на помине, в комнату неслышно вплыла Раджида и, улыбаясь, положила на стол перед Мефодичем маленький красный футляр:

– Это тебе, Ме-фо-ди-евич, за смекалку на здоровье и на

память...

Диковатый Мефодич смущался от всяких знаков внимания, от принцессиных же вообще растерялся и не знал, что делать. Гриша за него открыл футляр и достал оттуда блестящий золотой кулон на цепочке в виде клешни краба, крепко зажавшей чёрный матовый камень неправильной формы.

– Это твой камень – агат – он будет оберегать тебя от хвори и помогать тебе принимать правильное решение, – словно сказочная богиня произнесла Раджида и повесила кулон на богатырскую бронзовую шею Мефодича.

Явно растроганный, гигант вспомнил было, что по этикету в таких случаях полагается вроде бы целовать руку женщине, встал для важности, да лучше бы сидел, потому что заставил Раджиду задрать высоко вверх голову, сам смутился, потом согнулся пополам и уже привычно чмокнул её в щеку.

Все засмеялись: Гриша от удовольствия, что угодили другу с подарком, Раджида от щекотки душистой бородой, сам Мефодич от счастья, что теперь и у него есть свой оберег, и маленькая Лиза, громче всех, за компанию.

Мефодич подошёл к зеркалу, выкатил грудь колесом, оглядел себя и так, и эдак, сказал:

– Йеэх! – и переполненный эмоциями, хлопнул Гришу по плечу, отчего тот схватился за край стола, чтобы не упасть со стула.

– Замочим?!

– Замочим! Пока не убил, – и не думал перечить Гриша, потирая плечо.

Все чокнулись рюмками-бокалами к удовольствию Лизы, обожавшей этот обычай.

– А как ты, Раджидочка, узнала, что агат мой камень? – залюбопытствовал Мефодич.

– О! Это целая наука, ей много веков. У разных народов всегда были мудрецы, которые по дате рождения, ещё по некоторым признакам подбирали каждому человеку свой камень, свою стихию, свой цвет, своё дерево.... Эти знания передаются из поколения в поколение и есть в каждом народе. Смотрите, в каждой короне царя, короля, эмира, шаха, махараджи только свои камни. Семейные драгоценности зачастую имели целые истории, подтверждающие их магическую силу. Сейчас наука уже более точно, а, главное, честно об этом говорит. Вот, например, недруги наши, о которых ты догадался, дали каждой клеточке Гришиного тела негативные колебания, чтобы разрушить их. А свой камень в противовес разрушительным действиям даёт положительное влияние – это как бы индивидуальный резонатор, подавляющий негативные и усиливающий позитивные колебания. Как говорят наши учёные, свой камень облегчает его обладателю доступ к определённым слоям реальности. Кстати, а вы знаете, почему перстни и кольца в первую очередь надевают на четвёртый палец? А почему в йоговских оздоровительных позах – асанах – держат вместе большой и четвёр-

тый палец? По этой же причине христианские священники при крещении тоже соединяют эти же пальцы.

Мужчины, пришибленные загадочностью и важностью вопроса, а также полной своей дремучестью, слушали, как первоклашки учительницу...

Не исключено, что каждый из них по отдельности призадумался, а на то ли вообще они угробили свои годы, силы и знания? И ради чего боролись они с ветряными мельницами? Кто и когда обманул их, убедив, что лечит таблетка, а не сам организм?

И не стыдно ли к сорока годам узнавать, что, оказывается, иммунная система, например, подслушивает наш внутренний мир... А рождены мы, вообще-то, для удовольствия и, стало быть, болеть – значит гневить Бога...

В любой религии, оказывается, есть прямой намёк, что любое живое существо запрограммировано жить так, чтобы получать максимум удовольствия и терпеть минимум страданий...

– Так вот, дорогие мои, большой палец соответствует меридиану лёгких и отвечает за связь с внешней средой, первичной космической энергией. Четвёртый же палец находится на меридиане внутренних органов и отвечает за связь с внутренней средой и человеческой энергией. Таким образом, при складывании большого и четвёртого пальцев ключается контур взаимодействия внешней и внутренней энергии.

Можно было бы и рассмеяться, но Оксфорд приучил Раджиду к сдержанности, поэтому она лишь улыбнулась, когда увидела, что и Гриша, и Мефодич, не сговариваясь, сложили вместе те самые пальцы и смотрят, что будет...

Глава 10.

Про грядущую свою золотую свадьбу Борис Маркович и мама Оля вспомнили совершенно случайно.

Они играли вдвоём в карты, Борис Маркович пытался, как всегда, жульничать, мама Оля, как всегда, его уличала, после чего стыдила:

– Э-эх, игруля, уж сколько годов пытаешься ловчить, да всё никак не научишься!

На что профессор старался дать аргументированный ответ:

– Ничего-с. Это только первые пятьдесят лет не получается, потом всё пойдёт как по маслу. Мы с тобой сколько уже в подкидного дурака режемся? Тэ-э-экс, сейчас у нас какой?.. Э-э, сударыня, а в октябре ведь пятьдесят лет будет!

– Как пятьдесят?! Матерь Божья, так это ж золотая свадьба называется!

– Как не называй (и украл карту!), а есть повод облобызать вас, мадам, а также закатить банкетец!

Профессор как-то хищно и азартно потёр ладонями, что означало событие в их тихой жизни вообще и предполагало приезд детей и внуков, в частности.

– Сударыня! Я с большим энтузиазмом отнесу на почту письмо, в котором вы соблаговолите напомнить нашему ребёнку об изначальной причине появления его в этот несо-

вершенный мир.

– Не гневите Бога, сударь. Его мир хорош, да люди грешны, а прощения просят не всегда...

– Не спорю, не спорю...

Атеист, Борис Маркович побаивался дискутировать с супругой на такие темы.

Пришедшее вскорости в Москву письмо с упоминанием о юбилее очень всех обрадовало, потому что предвещало большой, тёплый праздник. Все дела не без удовольствия были отодвинуты и началась подготовка.

Давно замечено, что процесс подготовки не менее волнителен, чем само событие.

Во-первых, варианты и фантазии пока вседозволены...

Во-вторых, сладостное время подготовки к событию гораздо длиннее, чем само событие.

В-третьих, сам себя начинаешь больше уважать, видимо, искренне принимая предпраздничную суету за кипучую деятельность.

В-четвёртых, в процессе подготовки исключается разочарование ввиду бесконечности альтернативных вариантов, а само событие, к сожалению, однозначно, и имеет особенность заканчиваться, будь то свидание, рыбалка, игра или юбилей.

Малочисленность детей: сын – один, сноха – одна, внучка – пока одна – было решено компенсировать друзьями. У стариков их осталось совсем мало: академик Жилинский с

супругой да отставной генерал Бровин.

Все радостно согласились, сурово отказавшись при этом от Гришиного предложения оплатить билеты. «Это же Кипр, а не Аризона какая-нибудь!»

А Мыч и даже Мефодич – с другого конца Земли – будто только и ждали чего-нибудь эдакого.

Лиза немедленно села рисовать деду с бабой картину. Несколько дней напролёт она корпела, высунув язык, над шедевром. Вечером же, едва отмытая от красок, удовлетворённо засыпала под новые сюжеты...

Гриша нажал на все рычаги, подмазал, где надо, чтобы выпустить за свой счёт к юбилею застрявшую в издательстве последнюю книгу отца о Манчжурии.

В последний момент оказалось, что и вождь Гришиной партии в эти сроки планировал недельный отпуск на Кипре. Глубоко эрудированный специалист по Ближнему Востоку, он всегда с удовольствием общался с остатками старой интеллектуальной элиты России...

Вот чем хорош Кипр, так это предсказуемостью погоды, так что накрытому на лужайке перед домом большому столу дождь никак не угрожал.

Борис Маркович настаивал на строгом костюме, сошлись на галстук без пиджака.

Старый генерал Бровин был удивлён как ребёнок, увидев над большим цветком вместо пчелы зависшую колибри.

Получив в подарок сигнальный экземпляр книги, профес-

сор расчувствовался до слёз, видимо, предполагая, что это его последняя большая работа. В течение всего вечера он несколько раз брал фолиант в руки, поглаживал как ребёнка, о чём-то подолгу задумывался...

Лизин шедевр под названием «Морской Дед и морская Баба» в красивой рамочке был тут же водружён на видное место в гостиной, положив начало авторской коллекции. Маленькая смуглянка успела покупаться в лучах славы, когда посыпались заказы от гостей...

Полный фурор произвёл подарок для мамы Оли – маленький, изящно-блестящий, настоящий... мотороллер. Наверное, Раджида, жившая во время учёбы в Европе, была автором этой смелой идеи, потому что тут же на пустынной набережной обучила вождению вслед за мамой Олей всех желающих. Вероятно, в Москве мама Оля и не рискнула бы так шокировать общественность, но на Кипре это простое средство передвижения весьма популярно, особенно у женщин, причём безотностительно возраста. Кажется, на такие маленькие и права не требуются, и ездят без шлемов...

Исключительно ради юбилея, под настойчивые призывы гостей Борис Маркович, чуждый всему техническому вообще, согласился прокатиться на нём вместе с мамой Олей.

Гвоздём программы стало зрелище, когда мама Оля за рулём, Борис Маркович сзади не без страха обхватил её руками, а за ним предательский шлейф седых волос, которыми он мастерски сбоку на бок прикрывал лысину посередине...

Оба почему-то запыхались, порозовели, в глазах былой азарт – вот он – эликсир молодости: смелые подарки и внимание!

Обычно сдержанная, Раджида пустила слезу обнимаясь с мамой Олей. От счастья ли в своей новой семье, от мысли ли о своих... нам неведомо.

Вождь тоже гордо протарахтел туда-сюда вдоль кустов у дома. Было ясно, что и он только открыл для себя эту забаву; искренне сожалел, что ездить на нём ему некуда.

Гости, видевшие Вождя до того лишь по телевизору, не без приятного удивления обнаружили в нём заводного тамаду, неиссякаемый кладёзь былей и анекдотов, да и выпить водочки – почему нет, а вот зазнайства – ни-ни... Прирождённый оратор, он мгновенно, как музыкант с абсолютным слухом, схватывал правильную ноту в разговоре с любым собеседником. Любопытно было наблюдать, как у него сразу устанавливалось абсолютное равенство в разговоре, будь то Лиза, академик Жилинский, супруга Мефодича, местный священник или новые приятельницы мамы Оли из Ирландии или Германии.

И совершенно случайно с веранды дома Гриша засёк эпизод, когда Мыч весьма оживлённо и даже энергично пытался что-то выпытать, собрав вместе Бориса Марковича, генерала и академика. Гриша знал: такой блеск в глазах, такая собранность как у собаки, взявшей след, у Мыча бывает только в двух случаях: женщина или... приключение...

Он перехватил понимающий взгляд Мефодича, и оба за-
улыбались!

© 2006 ВИКТОР ГОРБАЧЁВ

Ствол

Ваша идея, конечно, безумна. Весь вопрос в том, достаточно ли Она безумна, чтобы оказаться верной.

Нильс Бор

Часть 1.

Глава 1.

Кипр... Замиренный остров – подвздошь Европы... Либеральная республика... Налоговый рай... Приветливые греки... Благота церквей...

За всем за этим, а ещё и к ласковому морю, солнцу, фруктам, вину, женщинам и музыке стянулись сюда с попутным ветром иноземцы. Народ пёстрый по географии, по нравам, по деньгам и по способам их добывания...

Погреться, отсидеться, подлататься, оттянуться, отдышаться, забыться, осмотреться, зализать раны, замолить грехи – что говорить, благопотребное место... Храни тебя, Господь, и дальше!

Большинство страждущих составили англичане и русские, так сложилось. Обычные англичане, чего не скажешь о русских.

Есть отдыхающие правильные, оставившие маяту свою там, где холодно и сыро, и безмятежно меняющие здесь по-разному заработанные дензнаки на все прелести Кипра, а есть чудаки, волей или неволей притащившие и сюда свои заботы и проблемы – это отдыхающие неправильные.

Средней упитанности холёный брюнет лет тридцати пя-

ти с крепкими, как у стоматологов, кистями смотрелся как отдыхающий неправильный, потому как периодически и подолгу озабоченно смотрел в никуда, а, вернув глаза оттуда, начинал метать взгляд по сторонам, словно пытаюсь найти себе то ли поддержку, то ли оправдание, то ли угрозу...

Народу на этом принадлежащем отелю King George пляже никогда помногу не бывает – только знатоки умеют сюда попасть, не будучи постояльцем этого отеля, поэтому другому отдыхающему, правильному, интеллигенту с выцветшей бейсболкой, очень орлиным профилем и возрастом пятьдесят плюс, довольно быстро бросилась в глаза маята брюнета.

Когда интеллигент снимал очки, давая глазам отдохнуть от чтения газеты на русском языке, он медленно водил респектабельным носом по сторонам, не без удовольствия задерживая взгляд на стройных женских фигурах. Таковых в этот час было мало – пара бледно-розовых англичанок, вся в веснушках, правда, ладно скроенная скандинавка да стайка крепких немок, судя по весёлому галдежу, довольных жизнью...

Под дородным носом интеллигента, словно чахлая трава под утёсом, скрывались аккуратно подстриженные пегие усики, сбивавшие с толку любого физиономиста полным отсутствием смысла своего присутствия. Так, запустились как-то с молодых лет сами собой, не брил он их ни разу; раньше для солидности оправдывался Чеховым, якобы сказавшим, что мужчина без усов всё равно, что женщина с усами, а с

годами по привычке и не задумывался о них вообще.

Если быть честным, то теперь, на излёте лет, ему всё чаще думалось, что всё у него в жизни сложилось как усы – само собой. Вроде бы принимал всякие решения – институт, женился, два сына, квартиры, машины, барахло – как у всех. Даже, как в покере, масть менял для оживления ситуации – из уездного подмосковного городка уехал учиться в Минск, потом двенадцать лет прожили в Белоруссии, потом на родину, в Россию, вернулись в свой областной центр, потом в Израиль, как он всем объяснял, в состоянии аффекта попал на целых шесть лет, теперь вот пробует закрепиться здесь, на Кипре...

И в буднях нелёгких четыре раза с нуля начинал, и всё шло неплохо, да только «то понос, то золотуха»; то дефолт, то распад Союза – и опять по нулям...

Перед супругой было немного неловко, да и на судьбу можно было бы пороптать за самонереализацию, а только умом он понимал, что смысла в этом никакого, и ничего такого не проделывал.

Сыновья выросли нормальные, не тронутые суровой действительностью, поэтому, когда его по привычке спрашивали: «Как дела?» – отвечал уверенно: продолжают хорошо...

Лениво изучив малочисленные женские прелести и прочие окрестности, интеллигент было заскучал и готов уже был дремануть, как вдруг уловил в неуверенном разговоре брю-

нета по мобильнику – «не знаю, не думал, сомневаюсь, вряд ли...» – традиционную израильскую концовку: «Ялла, мо-тек, бай!»

«Э-э, товарищ тоже где-то хватанул иврита...». Земляк, не земляк, а только созерцательный интерес интеллигента к брюнету плавно перерос во внимательный.

«Подойти спросить что-нибудь на иврите, – уже строил тактику оживившийся интеллигент, – пожалуй, не стоит; корявость языка сразу даст барьер... А русский на что?!»

– Спалить кожу не боитесь? – как бы прогуливаясь рядом, спросил интеллигент.

– Так новая вырастет! – охотно откликнулся брюнет.

– Да-да, кожа-то, пожалуй, вырастет; вот вырастали бы мозги новые...

– Ну, мозги, не мозги, а вот конечности и внутренние органы уже выращивают.

– Как это?! – довольно искренне встрепнулся интеллигент. – Как хвост у ящерицы, что ли?

– Совершенно верно: как у ящерицы хвост, как у саламандры ноги. Червяка поруби, так в каждом куске появляются голова и хвост. Человек, к сожалению, в эволюции подрастерял такие возможности регенерации; правда, кое-что осталось – кожа вот обновляется, печень возобновляется, кровь меняется...

– Но, согласитесь, – прокряхтел интеллигент, присаживаясь на песок рядом, – было бы неплохо регенерировать что-

нибудь посущественней: сердчишко, например, ливер всякий, да и те же конечности... Когда-нибудь докумекают...

– Уже! – оживлённо бросил брюнет.

– Что – уже?!

– Уже докумекали. В организме человека есть так называемые стволовые клетки, ну, основные, то есть базисные; у эмбриона их максимальное количество, у стариков – минимальное. Так вот если эти стволовые клетки взять у эмбриона и ввести больному с удалённым органом, то они сами находят недостающее место, закрепляются там и начинают из базисных превращаться в специфические: тканевые, нервные и другие – вот вам, будьте любезны, и новый палец или целая рука!

– Шутить изволите... – добродушно отмахнулся интеллигент.

– Да нет же! – неожиданно вдохновился брюнет. – Уже есть факты, они опубликованы, подтверждены. Раньше были этические проблемы с использованием эмбрионов, хотя после абортёв их всё равно выбрасывают, а теперь специалисты по геной инженерии научились получать стволовые клетки лабораторным путём.

– Это вы не клонированную ли овцу имеет в виду?

– Овца Dolli уже пройденный этап.

– Это что же, значит уже и человека можно клонировать?

– Можно. Только сейчас гораздо важнее победить рак, СПИД, болезнь Альцгеймера, детский церебральный пара-

лич и другие неизлечимые пока болезни. Так вот с помощью стволовых клеток сейчас рождается новая регенерационная медицина – вот она всесильна.

Повисла пауза, вызванная у интеллигента неподдельной ошарашенностью, а у брюнета, вероятно, мыслью – не очень ли он разговорился...

Об этом и подумал интеллигент, когда брюнет вскорости засобиравлся по делам.

Глава 2.

С интеллигентом – его звали Аркадий – проще: он тяготел ко всему новенькому – работа, квартира, вещи, место жительства, впечатления, приборы... Поэтому любимые его телепередачи были связаны с новостями – в технике, в науке, в жизни, в медицине, наипаче...

По старой российской традиции шибко грамотных у нас никогда не жаловали. Причину же определяли обстоятельства. Во времена перемен у пытливых глаза разбегаются от кажущегося обилия возможностей отличиться, и только в очередной раз разбитые морда и корыто однозначно дают понять: да не для тебя эти перемены писаны, лох, успокойся и не суетись, а то вспотеешь...

Вот на таком затейливом компромиссе новаторства, лени, конформизма и порядочности и проплыл по течению Аркадий свои пятьдесят с хвостиком, приходя с годами к убеж-

дению, что всё, что Бог дал — оно к лучшему. А жалеть о чём-то, бурчать, сетовать — это ж чистое самоедство и соль на раны — зачем?!

Резонно рассудив, что для исторической Родины со своим возрастом и не совсем актуальной профессией он будет мало полезен, Аркадий в очередной раз уговорил верную спутницу жизни поискать новых впечатлений в местах столь же тёплых, но более спокойных. Поспособствовав, как мог, образованию и образумлению сыновей, он дождался, пока они определятся в местах для себя наиболее комфортных, раздарил в очередной раз нехитрый скарб и в течение часа перелетел на Кипр, предварительно вычисленный и обдуманный.

Аркадий, как и многие из нас, любил нравиться, особенно себе. Последняя же его комбинация с переменой места жительства явно добавляла ему оптимизма и бодрости духа. Подойдя творчески к возможностям и потребностям как своим, так и историческим, Аркадий ухитрился получить там какое-то пособие, которого здесь хватало на выплату за квартиру, купленную в рассрочку на десять лет, и на питание; некоторые неудобства при этом, пожалуй, можно не учитывать...

Маленькая двухкомнатная квартирка, стараниями энергичной жёнушки быстренько превращённая в весьма уютную, давала им вид на жительство и право на покой. Репетиторство английского языка среди многодетных, но малообразованных понтийских греков, заполонивших в ту пору

Кипр, давало супруге любимое занятие, не менее любимое общение и неплохой доход.

Аркадий же пребывал в счастливом состоянии свободного поиска занятия для души, а если повезёт, то и для желудка тоже. Поэтому встреча загадочного брюнета на пляже рождала, как всегда, волнующие, но пока смутные ожидания нового интереса.

Вероятно, так томится собака перед охотой...

Надо сказать, наследственная гипертония, уничтожившая в расцвете лет всех его родственников по материнской линии, вошла в нём в глубочайшее противоречие с жаждой жизни и интересом к ней. Как результат такого противоречия и был его интерес ко всякого рода медицинским новациям. Вспомнив, с какой охотой и вдохновлённостью брюнет поддержал случайно возникшую тему разговора, Аркадий подумал, что для него это не просто праздный разговор, во-первых, и, во-вторых, по тому, как тот осёкся – что здесь явно пахнет интригой. Короче, брюнет на пляже стал для Аркадия здесь первым интересом, который он намеревался исследовать.

Не так всё просто с брюнетом – его звали Алексей, Алекс. Обстоятельства, в силу которых он оказался на закрытом пляже отеля King George маленького приморского городка греческой части Кипра, и не могли по определению сделать его правильным отдыхающим.

Судьба уготовила тридцати трехлетнему выпускнику 1-го

Московского медицинского института довольно извилистую дорожку, которая имела многочисленные развилки, где он не один уже раз должен был, как тот витязь на перепутье, решать, куда не надо идти.

Как уж там сложились звёзды и планеты при его рождении, теперь сказать трудно, а только серого и скучного за весь его Христов возраст практически не было ничего. Выстраивалась какая-то дьявольская череда событий, обострённая закономерность которых иногда его настораживала.

Как всё началось с первой школьной любви не к кому-нибудь, а к дочке 1-го секретаря райкома партии, так всё и пошло по максимуму. Каким-то чудом попал в медвуз № 1, каким-то ветром занесло на крутую специальность «Генная инженерия», каким-то боком по окончании оказался в престижном институте биофизики, непонятно почему его взял к себе профессор с мировым именем Горячев, почему-то у него крепче, чем у других, застряла в голове мысль о клонировании и регенерации органов...

Такой авангардизм в медицине, может, где и приветствовался в то время, но только не в России.

В промежуточном итоге он остался один на положении полусумасшедшего аспиранта, когда выбрал себе неподъёмную и для целых институтов тему по регенерационной медицине.

Закрывать глаза на то, что он делал в полузаброшенной от

нищеты лаборатории, – вот всё, чем мог ему помочь профессор Горячев.

Что уж такого ему удалось и чего не удалось в полулегальных экспериментах с животными и людьми, что он через полтора года оставил институт, открыл на окраине Москвы скромный салон красоты, а, проработав там чуть больше двух лет, вынужден был бежать в Израиль, припомнив, что он внук еврея, – он сам чуть позже расскажет лучше.

Однако – от судьбы не уйдёшь! – и на Святой земле не избежал он своего предуготовления...

Не пожелав осваивать профессиональный иврит и проходить порядком унижительную процедуру подтверждения своего несомненно мощного диплома, он был вынужден со своим сносным английским довольствоваться должностью медбрата. Так вот ведь не в дом престарелых какой-нибудь попал (а их здесь великое множество), а в шикарный исследовательский центр Рабина, что в славном городе Петах-Тиква – в переводе, кстати, Врата Надежды!

С аспирантских времён остались у него несколько считавшихся тогда тупиковыми вопросов по теме использования эмбрионов для регенерации органов. Здесь же мощнейшее аппаратное вооружение позволило израильским медиком их разрешить. И он, прочитав публикацию, опять вострепнулся и опять задышал неровно от открывающихся вновь перспектив.

С неподтверждённым дипломом ни о какой частной прак-

тике, разумеется, не могло быть и речи, и выручил его, как ни странно, московский опыт: он и здесь мог без труда открыть клинику или салон альтернативной медицины, коих здесь не меньше, чем в Москве. Что он и сделал, вложив в это дело свои московские сбережения.

Каких чудес он там успел натворить, что не прошло и двух лет, а его гонорары стали измеряться четырёхзначными цифрами, и не в шекелях, а в твёрдой.

Молва разнеслась до самых до окраин, благо весь Израиль – сто на шестьсот пятьдесят километров.

Когда же стало ясно, что и здесь ему не дадут работать, он вновь огорошенно вспомнил понравившееся объяснение: планида моя такая...

Судьба свела его с Аркадием как раз в тот момент, когда он только отдышался от Израиля, оформил вид на жительство здесь, на Кипре, и теперь искал возможности практического применения накопленных знаний и опыта в деле, фантастические перспективы которого видел чётко и осязаемо.

С принятием решения Алекс не спешил: печальные итоги своей деятельности в России и в Израиле ему очень не хотелось бы повторить и здесь, на Кипре...

Глава 3.

Встреча наших героев на следующий день на том же пляже легко просчитывается схожестью состояния поиска, в ко-

тором они оба на тот момент пребывали, не имея по большому счёту других забот на этом обласканном Богом острове.

Завидев друг друга, оба заулыбались и поздоровались как старые знакомые – за границей это бывает. Каждый принёс пиво в расчёте на партнёра, поэтому беседа предполагалась неспешная и обоюдодриятная. Отсутствие же на горизонте отвлекающих факторов в виде ласкающих глаз купальщиц наталкивала на мысль ещё и о достаточной серьёзности и глубине разговоров.

Они познакомились, и в качестве увертюры Аркадий спросил:

– Прошу прощения, но русское имя Алексей и иврит... интригует.

– Да вот, знаете, четвертинка дедовой крови помогла избежать некоторых российских прискорбностей, но, к сожалению, не уберегла от чисто израильских напастей.

– Тут мы с вами похожи, только крови этой самой во мне в два раза больше, а всё остальное – один к одному.

После первых двух банок пива перешли на «ты».

– Да-а, сейчас россиян где только не встретишь, чего уж говорить про Кипр или Израиль... – со знанием дела посетовал Аркадий.

– Да, если бы только за красотами заморскими ехали, а-то ведь чаще всего бегут; была эмиграция, теперь эвакуация. – В голосе Алекса звучала неприкрытая обида.

– В какой-то степени успокаивает, что ты такой не один; не

в тебе самом, значит, дело, неладно что-то в королевстве...

– Да, за что-то Бог на Россию в обиде, не просто так это беспробудное пьянство, хамство и воровство снизу доверху...

– Всё какой-то свой путь особый ищем, всё у нас в борьбе. то с врагами, то за урожай...

– Странная какая-то система, – распалялся про свои болячки Алекс, – сморозит какой-нибудь сановный придурок с броневишка очередную ахинею, и никто и не спорит, все, как бараны, «за». А кто спорит, те далече... На фундаментальные науки такой мизер выделяют, так и тот на коттеджики разворовывают.

– Обида у тебя неподдельная; имеешь к науке отношение?

– Можно сказать, я и есть её жертва... Я – врач-генетик. Только наука эта требует больших денег, а отдача нескорая – кто ж их даст... На голой интуиции да на своём страхе и риске допетрил до чего-нибудь – получи по башке для подравнивания – нечего выпендриваться! Да, грёбанный сапог! Ребята! Я ж вам регенерацию органов на блюдечке преподнёс, а вы всё у нефтяного корыта грызётесь!

– А-а, – вспомнил Аркадий их вчерашний разговор, – это то, что ты вчера про выращивание новых органов говорил?

Алекс на секунду задумался, чувствовалось, решал опять, как и вчера, стоит ли сейчас о сокровенном, потом как бы махнул рукой – чего уж, мол!

– Помнишь, я вчера упомянул стволовые клетки? Их,

кстати, русские евреи и открыли почти сорок лет назад – Чертков и Фриденштейн... Учитель мой, профессор Горячев, вполне конкретно определил фантастические возможности использования этих самых клеток. Представляешь, при рождении ребёнка из пуповинной крови берётся запас крови, где находится максимальное количество стволовых клеток, и замораживается в специальном хранилище – банке стволовых клеток. Случилось с человеком что, руку, скажем, потерял, обратился в банк, вкололи в вену его новорожденную кровь несколько раз, и стволовые клетки сами найдут дефект в организме и начнут превращаться в клетки мускулов, скелета, нервов. Ну, в особых условиях, конечно. Несколько месяцев – и получите новую руку, уважаемый!

– А как же мы, у кого нет своих запасов новорожденной крови? – не на шутку забеспокоился Аркадий.

– Это посложней. Но два доктора из Южной Кореи – доктор Хванг и доктор Мун почти решили вопросы использования чужих стволовых клеток. Они уже крысам уши и ноги выращивали, и до человека оставались считанные шаги по совместимости – вот их-то и не могли решить несколько лет. И, представляешь, года полтора назад читаю публикацию: израильские учёные-медики решили эту задачу. Тут я и пошёл медбратом у них по медицинским центрам батрачить: Центр Рабина, больница Бейлинсон в Петах-Тикве, медицинский центр Керен Каемет в Иерусалиме. И что думаешь? Обострённое чувство и интуиция от нищеты россий-

ской медицины помогли понять – в чём дело.

– Да, это ж какие деньги... – сказала в Аркадии половина нерусской крови...

– Так и было. Открыл косметический салон, это у них можно. Начал по минимуму: кожу обновлять, печёнку и прочих ливер, зубы новые выращивал – чтобы не так в глаза бросалось. Ну, считай сам, если там донорская почка пятнадцать-двадцать тысяч баксов стоит; а мне эту почку вырастить, как два пальца обоссать.

– И что, всё бросил?!

– Пришлось. Страна меленькая, стучать любят. Кровь-то беременных в роддомах я за деньги добывал нелегально, а у них везде на страже равнины, сам знаешь... Раз оштрафовали нехило, два – фанатиков подослали, три – в цугундер уволокли, а жизнь человеческая там – копейка, чего мне тебе объяснять – вот я и тут: начинай мочала сначала...

– Матерь Божья! – Неясно, от чего больше изумился крещёный еврей Аркадий.

Упаковка пива кончилась, начали другую...

Обида, замешанная на хорошем пиве, требовала сочувствующего собеседника; альтернативу Аркадию сыскать было практически невозможно: склонность к медицинским авантюрам, свобода положения и неистребимое желание преуспеть обрекали их обоих на совместные усилия...

Глава 4.

Аркадию очень нравилась национальная идея израильтян жить до ста двадцати; теплело как-то на душе, что ты ещё в расцвете, может быть... Поэтому, что касается диеты, режима, нагрузок во имя такой цели – Аркадий был кремень.

Правда, со всеобщим пофигизмом у него получалось не так хорошо, как у израильтян. Супруга к этому попривыкла, иногда подтрунивала, но втайне завидовала, будучи сама от природы натурой мягкой, эмоциональной и слабОВОЛЬНОЙ.

Поэтому, засидевшись поздно вечером за слёзным сериалом, она очень удивилась, обнаружив благоверного в неурочный час с горящими глазами у компьютера. Мешать не стала, знала: если причина действительно стоящая, не вытерпит, сам похвастается.

Аркадий же, верный многолетней привычке, расширял кругозор по теме: «Регенерационная медицина» и «Клеточная терапия». Многому из сказанного Алексом он нашел подтверждение:

– David Gardiner и Susan V. Bryant из Калифорнийского университета: «... регенерация руки или, по крайней мере, пальца – это вопрос времени».

– Роберт Ланца и Джо Цинелли из Advanced Cell Technology объявили о создании клона человека, точнее, его эмбриона, необходимого для получения стволовых клеток.

– первооткрывателями стволовых клеток с 1966 года действительно считаются советские учёные Иосиф Чертков и Александр Фриденштейн, однако, как всегда, первыми грамотно объявили о выделении и культивировании стволовых клеток человеческого эмбриона сотрудники Висконсинского университета Джеймс Томсон и Джон Беккер в 1998 году.

– директор института трансплантологии РАМН Василий Шумаков: «Мы впервые пересадили больным, перенесшим инфаркт миокарда, кардиомициты – клетки, ...полученные из собственных стволовых клеток. Мощное восстановление сердечной мышцы наблюдается в 100 % случаев».

Ещё пока не зная зачем, Аркадий серьёзно готовился к следующей встрече с Алексом. Готовил вопросы, записывал сомнения. Что такая встреча состоится, сомнений не было.

– А что в Москве-то не раскрутился?! – взял быка за рога Аркадий, когда они встретились на следующее утро.

– Ведь в мутной воде рыбку-то проще ловить...

– Всё правильно! – с тяжёлым вздохом произнёс Аркадий, как бы готовясь к долгому пересказу своих московских перипетий.

– Только в такой воде всяких крокодилов полно, и утопить, а то и сожрать могут очень даже запросто... Там как деньгами большими запахнет, их морды тут как тут – поделись, брат. А прав там тот, у кого, сам знаешь, больше прав...

– Да уж... – посочувствовал приятелю сам неоднократно стукнутый реформами Аркадий.

– Слушай! – от неожиданно пришедшей мысли Алекс даже сел. – А давай я тебе кое-что порассказываю: глядишь, на двоих этой мути меньше станет; да и посоветуешь, что теперь делать; если тебе интересно, конечно.

– Принято! – не раздумывая, согласился Аркадий.

В последующих затем пересказах о событиях московского периода жизни Алекса автор постарался лишь соблюсти хроникальность да убавить ненормативной лексики, помогавшей Алексу сжечь закипавший временами адреналин.

Cherchez la femme – всё, как и положено, началось с женщины.

К моменту выбора медицинской специальности Алекс и Вика уже имели годовой стаж близких отношений. Студенты-медики обычно скорее других проходят срок от первого знакомства до секса – натурализм вообще упрощает многие стороны жизни. Им было хорошо вместе, и, хотя планов совместных они как бы не строили, однако выбор специальности обсудили зрело, грамотно и сообща. Не спорили, просто рассуждали и доказывали.

Решили: Вике сподручней на гинекологию, а неуёмному Алексу самое место на передовой – в генной инженерии.

С лекций профессора Горячева по генной инженерии Алекс приходил с округлившимися глазами и переключенным на фантастические перспективы сознанием. Вернуть его к реальности могли только тёплые губы и ласковые пальцы Вики.

– Викуля! Ты только пойми: вся наша медицина с её таблетками и примочками – это детский лепет! Если мы залезем в клетки и наведём там нужный порядок, организм сам всё решит!

В ответ она загадочно улыбалась, потому как знала наперёд, что решит его мужской организм в ответ на её умелые ласки.

Настало время, когда по ходу дела профессор Горячев в лекции назвал два слова, ставшие смыслом жизни Алекса на долгие годы, если не навсегда: стволовые клетки...

Алекс был поражён простотой вопроса: от рождения эмбрион весь состоит из основных, базисных клеток, которые в медицине и называли стволовыми. Они очень скоро превращаются в специфические – мышечные, нервные, костные и другие, то есть из них-то всё и строится.

Пятьдесят миллиардов клеток в человеке двухсот пятидесяти видов, каждый день умирает миллиард и стволовые клетки встают на их замену. С годами этот процесс регенерации замедляется, и к шестидесяти годам в организме практически не остаётся ни одной стволовой клетки – это и есть старение.

А если периодически стареющий организм подпитывать стволовыми клетками из эмбриона...

Теперь ему становилось понятно, почему сильные мира сего долго сохраняют работоспособность! И факты китайской истории, где император в возрасте двухсот двадцати лет

верхом на коне вёл армию на войну, а в сто сорок лет у них ещё рождались дети – уже не казались неправдоподобными.

Одно было Алексу непонятно. Как эта простая истина до сих пор не стала стволom всей медицины?! Умом он понимал, что с шестидесятих годов не прошло и сорока лет, как Иосиф Чертков и Александр Фриденштейн впервые открыли стволовые клетки, и что не всё так просто и однозначно, и всё надо, как положено, исследовать, а на это уйдут годы и годы...

И тогда Алекс пришёл к выводу: слишком важна тема и слишком велика его страсть к ней, и не хватит у него ни терпения, ни времени идти в ногу с общепринятым режимом исследований. Значит, он обречён забегать вперёд, рисковать, ошибаться, нарушать, но только так у него есть шанс ещё при жизни достичь чего-нибудь стоящего...

Правильное, здоровое тщеславие – так он определил сам себе мотивы, заставившие его свернуть на рисковую тропу.

Умница Вика поняла его и благословила, дала себе слово помочь, чем сможет, а только ей было понятно и другое: на этой тропе для неё места не было. Она не терзала его, они продолжали встречаться, однако разговоров о будущей совместной жизни избегали в надежде, что время рассудит...

Профессор Горячев не мог себе позволить того, что вытворял его Алекс в старой, заброшенной от нищеты лаборатории с подопытными кроликами и крысами, но в душе он завидовал этому сильному, упёртому парню, блеск в глазах

и научный азарт в котором со временем только крепчал.

Старый учёный, переживший многих вождей, понимал, что никто теперь не даст ему столько денег и оборудования, сколько надо. Какая генетика, когда общество забродило на нефтедолларах и анархии?! Какие стволовые клетки, когда у власти временщики и живут они там по закону курятника: клюй ближнего и какай на нижнего?!

Однако закрыть глаза на перерасход подопытного материала, прикрыть, когда надо, своим авторитетом, выслушать и дать совет старый профессор мог и делал это не без удовольствия...

Часть 2.

Глава 1.

Получив диплом и ставку младшего научного сотрудника на кафедре профессора Горячева, Алекс практически поселился в лаборатории вместе с кроликами и крысами. Стратегия его исследований была примитивной, и поэтому имела немалые шансы на скорый успех.

Не имея в то время возможности выделять из эмбриона ни общих стволовых, ни тем более специфических стволовых клеток, Алекс просто использовал эмбрионы на разных стадиях развития. Зная, в какой период и что закладывается в эмбрионе, он, не мудрствуя лукаво, отрезал у крысы ухо и вводил ей в кровь вытяжку из эмбриона того возраста, когда в нём как раз и происходит закладка ушей, конечно, теша себя надеждой вырастить страдальце новое ухо.

Лапы, уши, хвосты резал он без счёта, пытаясь заставить стволовые клетки эмбриона восполнять потери, однако неблагодарные инвалиды эти не торопились его порадовать.

Мудрейший учитель посоветовал попутно вводить подопытным питательный раствор, содержащий всё необходимое для закладки нового органа. Странно, но когда его составили, одна пытливая лаборантка обратила внимание, что

это почти в точности вода Мёртвого моря...

Как бы там ни было, а только однажды у симпатичной крысы с № 57 на спине засохшая было корочка у обрезанного уха вдруг полопалась, отвалилась, и на её месте начала активно расти молодая розовая ткань. Не прошло и месяца, как жертва науки № 57 щеголяла с новым, правда, более светлым ухом. Это была первая красноречивая победа Алекса!

Потом пошёл вал новых ушей, лап, хвостов, внутренних органов у других номеров.

Заскучал Алекс практически сразу: как же ему теперь к людям-то подступиться?! Именно так и спросил он в раздумье, поглаживая душистые волосы Викиной головки, уютно и привычно расположившейся на его волосатой груди; они вдвоём праздновали очередное его достижение.

С радостью и печалью он шёл к ней, где всегда с неподдельной радостью обнаруживал, что кроме крысиных хвостов и ушей есть ещё другие прелести и радости жизни.

Формально будучи ему знакомой, она, тем не менее, решала за него его бытовые вопросы, а также вопросы наезжавшей временами в Москву его провинциальной родни.

– А чего тут думать? Тебе нужна гинекология, хирургия и больные добровольцы, – организационные вопросы у Вики всегда получались лучше.

– Гинекологию я беру на себя, с хирургией, думаю, твой профессор поможет, твоё дело уговорить добровольцев.

– И что я им скажу: здорово, дядя, давай я тебе новую ногу

выращу?! – перед Викой Алекс никогда не стыдился своей беспомощности.

– Почему сразу ногу? Начни с малого: кожа, зубы, волосы... Будут результаты – и к тебе сами потянутся не только дяди, но и тёти.

Алекс простодушно посмотрел на Вику, потом сгрёб в ладонь сзади её волосы, запрокинул голову, впился губами ей в губы и перевернул на спину – тоски больше не было...

Первым судьба свела его с молодым парнем, москвичом, с многочисленными травмами, оторванным ухом и ожогом тридцати процентов кожи в результате автомобильной аварии. Парень имел какой-то шкурный интерес от своей смазливой внешности, поэтому на эксперимент по восстановлению уха, кожи и десны с зубами согласился сразу.

В течение недели Вика смогла добыть для него кровь женщины на четырнадцатой-пятнадцатой неделе беременности, потому как именно в этот период у зародыша появляются зачатки зубов, питательный раствор готовился ещё проще. Парень оказался счастливым, потому что на удивление трехразового вливания в течение недели оказалось достаточно, чтобы у него вначале выправились, а потом зачесались дёсна, как у младенца перед появлением зубов. Парень воспрял духом, перестал грустить и от удивления в одиночку выкушал бутылку коньяка.

Требуемая кровь женщины с шестой неделей беременности, когда у зародыша закладываются кожа и наружное ухо,

долго не подворачивалась; пациент продолжал пить и в промежутках звонил, изнемогая от ожидания чуда.

Когда, наконец, Вика привезла кровь сразу двух женщин с пятой и шестой неделями беременности, Алекс начал вводить её с чередованием через день.

Когда же, спустя некоторое время, шрам на месте левого уха красавца побагровел и набух, радости заговорщиков не было предела...

Так не бывает, чтобы жизнь состояла из одних только радостей, человек для равновесия начал бы сам искать себе неприятности.

А тут искать ничего не надо было: она, неприятность, появилась у пациента в виде двух странных вспухших побелевших рубцов по пять сантиметров длиной, расположенных на шее с двух сторон вдоль гортани.

Последующие двое суток тревожных наблюдений, ожиданий и всяких примочек картину не изменили, и только под утро третьего дня Вику разбудил по телефону взволнованный голос Алекса:

– Викуля! Я осёл! Это же жабры! Ведь на пятой неделе у эмбриона появляются зачатки жаберной щели, а на восьмой они исчезают! Это же побочный эффект! Прелесть моя, если они сами не исчезли, значит, срочно нужна кровь женщины на восьмой неделе беременности!

Неизвестно, как уж там исхитрялась Виктория, а только к одиннадцати часам утра перепуганному и протрезвевшему

красавцу ввели первую партию нужной крови...

Последующие трое суток его лихорадило, рвало, однако рубцы на шее стали исчезать, а обострение расценили как естественную реакцию отторжения.

Красавец после этого не отходил от зеркала, любуясь почти сформировавшимся бледно-розовым ухом и без конца втирая мудрёные кремы на активно обновляемые участки обгоревшей кожи. При этом он, как лошадь, оттопыривал губы и щёлкал зубами. Уговорить его не глушить коньяк от такой радости – не было никаких сил.

– Рисковый ты парень! – в задумчивости прокомментировал Аркадий рассказ Алекса. – А если бы не обошлось тогда с этими жабрами, или ещё, не дай бог, что-нибудь вылезло?! Ты хоть договор с ним какой составлял?

– Какой договор?! Ну, кто знал, что всё так случится? Потом, конечно, стал брать расписку. А насчёт «вылезло» – это ты как в воду глядел: вылезало! И не раз! Угораздило в ту пору одного моего родственника в деревне по пьянке руку в циркулярку сунуть; полкисти с тремя пальцами отхватил. Ну, зашили ему в районе как могли, только что-то плохо она у него заживала и всё время ныла. Вот они его ко мне в столицу и наладили; простые хлопцы, для них врач и врач, а что я генетик, а не хирург – это им до лампочки. Раз уж ты на больничном, поживи, говорю, у меня пару недель, подлечим. Не стал я ему голову морочить про стволовые клетки и прочее, ни к чему ему это, а просто заказал Вике кровь пятой

и шестой недель беременности, когда и появляются зачатки рук и пальцев. Проколол ему неделю всё, что положено, рука зажила, боли прошли. А больше – ни-ни. С тем мужик и отбыл в родные края биться за урожай. Что-то около двух месяцев прошло – звонят: караул, рана опять болеть стала, на рубце культи какие-то бугры появились и кое-что ещё, не знаем, как и сказать... Приезжай, Христа ради! Приехал... Посмотрел... Радуйтесь, говорю, пальцы это у него новые растут! Подивились, перекрестились. Хорошо, говорят, коли пальцы... А ещё у него в штанах что-то... А что ж такое, говорю, у него в штанах может быть, чего быть не должно?! Глянул – мать Божья! Это ж у него хвост на копчике вырос! У нас у всех там рудимент хвоста имеется, он легко прощупывается. А тут настоящий хвост, тридцать-тридцать пять миллиметров, с хрящами, только что не двигается. И смех, и горе!

Всё правильно, я уж после жабер поумнел – издержки несовершенной технологии; одновременно с руками и пальцами на пятой неделе у эмбриона закладывается и хвост, только вот на девятой-то неделе он должен исчезнуть. А тут на сельской диете да на свежем воздухе, видать, хорошо ему рослось, он и не исчез. Правда, и расти перестал. Собирайся, говорю, земляк, в Москву со мной поедешь. Мужик молниеносно переоделся в выходное, наказал своим помалкивать, а то головы пооткручивает, и, как испуганный щенок, забился в угол машины. Сводил я его к своим ребятам в институтской клинике. Чего, говорят, мужик, перепугался?! Мы та-

ких хвостов в год десятками отрезаем. Дали мужику спирту выпить, откусили, зашили, залепили. Мужик неделю, на животе лёжа, телевизор просмотрел, потом я его на машине отвёз в деревню. А там, ясное дело, от хвоста избавился, пальцы растут – дня три не просыхали...

После того случая были ещё нежелательные сюрпризы, и я начал понимать, что использование крови беременных – это работа вслепую, не знаешь, что где вылезет и получится ли что вообще. Мне же нужны только стволовые клетки, а не вся репродуктивная мощь беременного женского организма... Мало того, и кровь-то стала для Вики проблемой после того нашумевшего скандала, когда один джигит-гинеколог организовал в своём кабинете что-то вроде публичного кабинета – слышал, наверное. Ну, давал наркоз женщинам, пришедшим на аборт, а перед чисткой за деньги впускал в кабинет мужиков, и те удовлетворялись со спящей в гинекологическом кресле женщиной. Прилично успели с ассистенткой нахапать, пока одна пациентка неожиданно не очнулась не вовремя и не подняла шум. Понятное дело, по всей гинекологии шмон и навели... Плюс ко всему я понимал, что ставлю под удар профессора, потому как эксперименты мои никак не соответствовали инструкциям Минздрава. Вот так я прокувыркался почти полтора года и вроде чего-то добился, а только оказался у разбитого корыта... Один...

Глава 2.

Но Бог смелым помогает...

Тот самый красавец с оторванным ухом привёл к Алексу своего крутого приятеля с не менее крутой почечной недостаточностью. Тот, вероятно, на тернистом пути к крутым вершинам успеха вдрызг измочалил свои почки. Одной уже лишился вообще, и вторая дышала на ладан, держа худющего Крутого на голодной диете. Донорскую же почку по некоторым показателям уже который год подобрать не могли, что начисто лишало Крутого возможности пожинать плоды проделанной титанической работы.

Крутой цеплялся за жизнь, а потому хватался за все соломинки. Новое ухо красавца впечатляло и давало надежду. Однако Алекс понимал и реальный риск: и почка одна, и все это не ухо или палец, да и закопать самого могут вслед за Крутым в случае неудачи, и отказывался категорически. У Крутого другие варианты, видно, закончились, и он не отставал:

– Доктор, дорогой, – напирал он, – ты не смотри, что я снаружи хреновато выгляжу – внутри-то я вообще говно!

Переговоры и увещевания закончились неожиданно: Крутой выделил Алексу две комнаты в принадлежащем ему салоне красоты в Крылатском и брался оснастить всем необходимым.

Сдался Алекс после того, как Крутой пообещал регулярно снабжать Алекса четырех-шести дневными эмбрионами (правильнее их назвать бластоцистами), которые оказывались лишними при экстракорпоральном оплодотворении в Республиканском центре репродукции и планирования семьи МЗ РФ. Просто их там всегда с запасом делают, а лишние выбрасывают. А уж ультрацентрифуга для выделения из них стволовых клеток стоимостью двадцать три тысячи баксов – для Крутого сушие пустяки.

Алекс понял, что это его шанс; расписку о добровольности с Крутого, однако, всё же затребовал.

Говорил Крутой тихо, медленно и мало – от бессилия, но распоряжения его исполнялись мгновенно. «Странно, – подумал Алекс, – министры же наши и прочие думцы говорят громко, быстро и много – от избытка силы, и всё впустую. Вопрос: почему?!»

После жуткой нищеты институтской лаборатории здесь, среди этого сверкающего и мигающего великолепия, Алекс в очередной раз с сожалением подумал: наверное, и народ должен почуять запах ладана, как этот Крутой, чтобы начать думать и действовать...

Тогда же, засидевшись за наладкой оборудования, Алекс подумал: а что, если Вику взять к себе работать, и вообще, зажить, наконец, нормальной семейной жизнью? Он заметил её искреннюю радость за него, когда она у него здесь побывала; что-то, однако, опять его настораживало, и он опять

решил повременить.

Меж тем на третьей неделе инъекций стволовыми клетками Крутой почувствовал тяжесть в местах расположения почек, причём, и на месте удалённой тоже. Это мог быть признак начавшегося процесса, правда, пока неясно какого...

Ещё через месяц мониторинг анализов мочи дал слабый сдвиг показателей к N; по истечении ещё двух месяцев УЗИ показало на месте почек два клубнеподобных образования, не похожих на традиционную форму почек.

Оживший и повеселевший Крутой болтал в колбе, как вино в фужере, собственную мочу и с большим энтузиазмом всем показывал:

– А-а?! Ни мути, ни запаха!!!

Спокойная жизнь доктора Алекса по обслуживанию в эти три месяца одного-единственного пациента на том, собственно, закончилась, ибо собратья Крутого по ремеслу могли похвастать всем, чем угодно, только не здоровьем.

Чудесное исцеление Крутого обеспечило Алексу бешеную рекламу. Тщетно пытался он объяснить, что всё ещё на стадии эксперимента, что случай с Крутым скорее исключение, чем правило, что овца Dolli, которую все его потенциальные клиенты знали и приводили как аргумент в свою пользу, получилась одна из тысячи запрограммированных, да и там не всё гладко, всё было тщетно: крутизна пёрла косяком.

Алекс пытался запугать возможностью занести в организм вирус или микроб вместе с чужой эмбриональной тканью, и

что вообще может произойти простое отторжение, и ничего не получится...

Фраза: «Ну, ты всё равно попробуй!» – звучала как отчаянная индульгенция...

Доктора Алекса было трудно удивить количеством страждущих и богатейшей палитрой их болячек. Его поразила напористость, с которой обеспеченные люди пытались внушить ему свою убеждённость, что за деньги можно всё, а тем более за большие. Было очевидно, что пока дело не касалось их здоровья, оно таки так и было. С грустью думал он, что у бедных те же проблемы, только они молчат, мучаются и умирают; а ведь их большинство, но убеждать им нечем.

«Ну, и чёрт с вами! – решил однажды Алекс. – Буду на вас за ваши же деньги и пробовать, раз вы так хотите. Потом, глядишь, и народу что-то достанется».

Оно, конечно, не в клятве дело – какой-то неподдельный стыд за свою профессиональную беспомощность испытывал он, глядя в глаза очередного несчастного. Изуродованные страшными, неизлечимыми пока болезнями, обречённые дети просто разрывали его сердце, так и не выработавшего достаточный иммунитет к чужим страданиям.

Он осознавал возможности клеточной терапии, мирился с очевидными трудностями на пути её широкого внедрения, но понять, почему власть и деньги предрежащие никак не расставят приоритеты, не мог. Ну, что, вот поможет сейчас упакованность всемогущего нефтяника ДЦП его дочери?!

Не без труда, с помощью верной Вики, Алексу удалось наладить в своей деятельности что-то вроде системы. Два раза в неделю стараниями нормально теперь пишущего Крутого из Центра репродукции выдавшая виды машина с красным крестом доставляла ему в Крылатское несколько оплодотворённых яйцеклеток четырёх-шестидневного возраста. Из них он на ультрацентрифуге немедленно выделял стволовые клетки и тут же вводил их заранее подготовленному пациенту.

И хотя результативность в виде выращенных практически заново почек, печёнок, селезёнок, поджелудочных желёз, кожи была сравнима с оперативной в официальной медицине – двадцать пять-тридцать процентов-успокоиться Алекс не мог.

Во-первых, он чувствовал, что возможности клеточной терапии гораздо выше, и что для этого в методе надо что-то менять. Во-вторых, его напрягал контингент: никто ни с кем не обговаривал расценки, но народ этот как-то сам установил и передавал друг другу величину гонорара – пятнадцать тысяч баксов, а если была возможность повыпендриваться перед братьями, то и больше.

Вытянутый из гроба Крутой от щедрот своих к этим деньгам не касался, мало того, от налоговой закрыл своей крышей. В-третьих, Алекса раздражала штучность контингента: простого люда там, естественно, не было; он сам стал налаживать связи с госпиталями, где во множестве проходили ре-

абилитацию наши раненые солдатики...

Для удачливых, выздоровевших пациентов он становился богом в медицине, для остальных – просто честным доктором, и они начинали понимать, что, к сожалению, и он может не всё.

«Я вас не вычёркиваю из своего компьютера...» – как мог, утешал он разочарованных, оставляя в них часть своей уверенности на будущее, кто до него доживёт...

Так вот при такой круглосуточной занятости, фантастических гонорах, эмоциональном накале Алекс опять заскучал, а мы уже знаем, что это верный признак грядущих перемен.

Глава 3.

Раз уж мы, дорогой читатель, научились по грусти Алекса предсказывать изменения в его судьбе, давайте попробуем, спортивного интереса ради, вычислить и характер этих изменений.

Судите сами. Во-первых, на исправление очевидных недоработок клеточной терапии из-за фантастических возможностей стволовых клеток во многих странах брошены лучшие умы и миллиарды долларов, поэтому смело можно ожидать положительные результаты в самое ближайшее время.

Во-вторых, рискованный бизнес излеченного Крутого очень уж напоминает верёвочку, которая пока вьётся.

В-третьих, Алекс просто обязан набраться здоровой наглости и использовать для дела нехилые возможности своих удачливых пациентов. Ну, и, наконец, наряду с будничными результатами однозначно следует ожидать и новых приключений: уж больно клиент пошёл колоритный.

Последим за ходом повествования и проверим, насколько мы правы.

Однажды Алексу позвонил учитель, профессор Горячев: – Алексей, приезжай, есть дело государственной важности.

Алекс поторопился – старый профессор лишние слова не произносил.

– Ты у нас засекреченный, поэтому служебная информация до тебя не дошла. Ты слышал про громкое дело оборотней-милиционеров? Так вот даю тебе служебную информацию. Разоблачил их один неизвестный молодой журналист. Вот такой талантливый паренёк: провёл своё журналистское расследование, проанализировал полученные факты и вычислил их раньше ФСБ. Там большие звёзды завязаны и ещё большие деньги, а паренёк не сориентировался и поплатился. У него был кейс какой-то пуленепробиваемый, поэтому, когда они ему туда взрывчатку-то сунули под видом документов, и она при открывании рванула, он остался жив, но вот лицо и глаза сильно обгорели. А для следствия в аккурат его глаза очень и нужны: что-то или кого-то он там опознать должен... Вот сейчас ФСБ всех врачей и опрашивает:

кто поможет. А как помочь, когда глаза вместе с кожей лица просто сгорели, никто не берётся. Если хочешь попробовать, я порекомендую.

Алекс на секунду задумался, потом спросил:

– А как же с секретностью?! Лицензии Минздрава нет, налоги не плачу...

– Это же ФСБ, Алёшенька, к тому же им теперь не до твоих проблем, свои бы мундиры отмыть...

На следующее утро Алекс оформил пропуск в спецбольницу 9-го Управления ФСБ.

То, что он увидел, когда лечащий врач снял с головы журналиста повязку для смены, резануло его какой-то нелепостью: всё цело – кейс спас, а лица нет, и глаз тоже – едва затянувшиеся заплатки кожи, оставленные неровные дырочки для рта, носа и глаз. Нелепость усиливалась многократно от осознания совсем юного возраста парня и загубленной судьбы.

И ради чего?! Слава, карьера, деньги, амбиции или за державу обидно?!

Парень мог слышать, отвечал письменно, вслепую.

– Как чувствуешь себя? – обязан был спросить Алекс.

– Очень больно и обидно... – коряво написал он на бумаге.

Алекс вдруг подумал, что они ведь практически ровесники, да и в пекло оба лезут одинаково отважно и безрассудно, и ему очень захотелось помочь этому парню...

Шанс один: из пока неудалённых, к счастью, глазных яблок взять клетки и подсадить их вместо ядра в оплодотворённую яйцеклетку с целью вырастить специализированные стволовые клетки, чтобы затем имплантировать их назад, в ткань глаза, и молить Бога об удаче. Собственно, почему только глаза? Точно так предстоит восстановить и кожу лица, и хрящ носа.

Согласовав с врачами свои действия, Алекс поехал к себе в клинику делать необходимые приготовления.

Выходя из спецбольницы, обратил внимание на многочисленные посты и охрану; подумал, что пациенты тут, судя по всему, не простые смертные.

В пути заверещал мобильник; представившийся майор Звонарёв чётким голосом пригласил Алекса в самое ближайшее время на беседу к заместителю начальника Управления собственной безопасности ФСБ. Недолго думая, Алекс повернул на Лубянку.

Какая-то тревожная напряжённость чувствовалась в этой конторе буквально во всём: многотонных колоннах, красных ковровых дорожках, строгих светильниках, массивных дверях с громадными блестящими ручками. «Даже голубей не видно, – сделал неожиданное открытие Алекс, – рядом на “Детском мире” все подоконники загадили, а здесь не видно...»

Майор Звонарёв оказался дежурным офицером в приёмной генерала Городецкого. Лет майору было слегка за трид-

цать, однако ранняя седина, опалённые глаза и шрам на виске наводили на мысль, что послужной список майора генеральской приёмной не ограничивался.

Под стать ординарцу оказался и сам генерал Городецкий, неожиданно для такого ведомства молодой, но явно нюхавший пороху. Генерал приветливо, но как-то тяжело встал со своего кресла и вышел навстречу вошедшему в кабинет Алексу.

– Рад вас приветствовать, Алексей Николаевич, много о вас наслышан хорошего.

«Вот те раз, – подумал Алекс, – это, интересно, от кого же? Хотя да, контора-то...»

– Простите, что беспокоим, Алексей Николаевич, но ситуация того требует. Я надеюсь, вы понимаете, что мы боремся не с карманниками и даже не с мошенниками. По делу, в котором так жестоко пострадал журналист, проходят генералы и другие высшие офицеры, я уж не говорю об их шестёрках. Пресса уже окрестила их оборотнями, поэтому не секрет, что следствие идёт очень тяжело. Очевидно и другое: запятнана честь работников правоохранительных органов, и мы вдвойне, втройне обязаны вывести эту мразь на чистую воду. Для этого нужна предельно чёткая доказательная база. Так сошлось, что глаза того честного парня нам сейчас нужны, как воздух, поверьте мне на слово. Я уверен, что если есть хоть малейший шанс вернуть ему зрение, вы, Алексей Николаевич, его используете. Но я обязан вас предупредить:

на свободе остаются ещё немало преступников в погонах, которые сделают всё, чтобы этот парень не прозрел. Знаю, что вы человек не робкого десятка, однако отдавайте себе отчёт, что противники у нас с вами – профессионалы... Майор Звонарёв проинструктирует вас; я же хочу просто предупредить. никакой самодеятельности, будьте бдительны и осторожны, с малейшими подозрениями ко мне в любое время. Удачи вам!

После инструкций майора Алекс про неудачу с глазами журналиста и думать боялся. Сказать по правде, в суматохе по процедуре этого необычного дела у него и мысли не было, что за всеми его действиями могут следить. Про себя он понимал, что новую кожу лица ему будет вырастить парню гораздо проще, чем роговицу и зрачок. А тут ещё майор с генералом...

Практически каждый день его помятая в суровых московских буднях восьмёрка металась между спецбольницей и его салоном. Всё, что мог Алекс сделать: вырастил, хотя и не с первого раза, специальные стволовые клетки кожи и глазного яблока, ввёл их непосредственно на места регенерации – оставалось ждать.

К концу четвёртой недели кожа лица его отважного пациента приобрела признаки обновления: участки отшелушивания открывали молодую розовую поверхность. Ещё через три недели стало ясно, что у парня будет-таки своё лицо вместо теперешнего безобразного нагромождения опалён-

ных шрамов.

Но глаза!.. Глаза не показывали абсолютно никаких видимых изменений, если не считать увеличившееся внутриглазное давление.

В моменты отчаяния ноги сами несли Алекса к Вике или к учителю. Виктория по-женски снимала с его души печаль, но только на время...

Профессор приходу Алекса обрадовался, долго слушал, задавал вопросы, потом по знакомой Алексу привычке почесал подбородок и вдруг предложил сделать ультразвуковое сканирование глазного яблока журналиста.

И Алекс сразу понял: ну, неспроста же поднялось внутриглазное давление!

Старый профессор, как всегда, оказался прав: сканирующий срез показал наличие новых слоёв ткани под мутным от ожога бельмом. Сняв верхнюю плёнку, специалисты ожогового центра с изумлением обнаружили нормальный зрачок и роговицу. Глаза, впрочем, тут же забинтовали.

Жутковатый оскал рта без губ, глаз без век и ресниц, но с кровавым ободком вокруг зрачка все однозначно расценили как улыбку. На правах именинника Алекс налил журналисту глоток шампанского, который тот с большим энтузиазмом втянул через соломинку.

Поставив машину в гараж, Алекс решил продлить радостный момент и пройти до дома пешком.

Родная Севастопольская сейчас не казалась ему такой уж

суетной, количество озабоченных лиц у прохожих не превышало количество лиц улыбающихся... Алекс вдруг вспомнил услышанную недавно очередную нехитрую трактовку счастья: это когда утром с удовольствием идёшь на работу, а вечером с удовольствием возвращаешься домой.

– Алёшка, привет! – и чья-то рука вдруг упёрлась ему в плечо.

Не сразу опустившись из страны счастья на свою всё-таки довольно шумную улицу, он узнал однокурсника, который исчез после третьего курса так же загадочно, как и учился. Нахальный и разбитной, он всей своей деятельностью тогда показывал, что мединститут для него – всего лишь средство для получения корочек, более нужных никак не для медицины.

– Зазнался, учёный! – теребил его парень.

– Да, ладно, какой учёный... – начал было Алекс, но парень его перебил:

– Знаем-знаем, на фронте клонирования пашешь, грешное тело по кускам восстанавливаешь! Кстати, что с глазами-то-получилось?

– А что с глазами? – не сразу понял Алекс.

– Не скромничай, все знают: с конечностями, с ливером чудеса творишь, теперь вот, говорят, глаза какому-то бедолаге делаешь – это же фантастика! Ну, что, прозреет парень?

Алексу показалось несколько странным интерес полузабытого однокурсника к его деятельности, и он интуитивно,

как мог, отделался общими фразами.

Удивление Алекса, несомненно, возросло бы, если бы он мог видеть, что карауливший его парень вылез из чёрной «Волги», в неё же потом и сел.

«Засранец, всё настроение испортил!» – угрюмо подумал Алекс и решил наутро пойти к генералу Городецкому.

Его решение окрепло многократно, когда, заехав утром в салон, он обнаружил сюрприз в виде запечатанного конверта. На сложенном пополам листе компьютерный текст: «Журналист прозреет – ты ослепнешь!»

После такой категоричности рука сама потянулась к мобильнику...

Уточнив, что принявшая от развязного парня это письмо парикмахерша Зоя на работе, генерал попросил оставаться на месте и дожждаться его сотрудника.

Прибывший через полчаса обычный парень в штатском и с кейсом мгновенно озадачил перепуганную Зою опознанием вчерашнего парня в базе данных его ноутбука.

Когда же минут через двадцать пять раскрасневшаяся Зоя уверенно ткнула пальчиком в экран – он! – парень закрыл ноутбук, сунул его в кейс, посоветовал держать язык за зубами и исчез.

Целый день Алекс провёл в раздумье по поводу возникшей вокруг него и его пациента непонятной и потому немного пугающей возни. Так и лёг спать, уповая, что утро вечера мудренее... Только до утра надо было ещё дожить...

Только он собирался уснуть, как раздался настойчивый звонок в дверь.

Показав в глазок удостоверение сотрудника МУРа, в прихожую уверенно вошли трое крепких мужчин.

– Московский уголовный розыск расследует дело о покушении на жизнь известного вам журналиста С.

«А где “извините”»? – машинально мелькнуло в голове Алекса.

– В интересах следствия предлагаем поехать с нами и ответить на несколько вопросов.

Возражать нервным гориллам Алекс не счёл благоразумным и безропотно оделся...

Сонные мозги Алекса абсолютно ничего не успели сообразить, когда на выходе из подъезда его кто-то свирепо дёрнул за руку и уволок в сторону, а троих муровцев мгновенно окружили внушительно экипированные омовцы.

Видимо, ситуация для всех стала однозначно понятной – профессионалы! – и муровцы молча подняли руки.

Широченная спина, за которой с едва неоторванной рукой оказался Алекс, дождалась, пока муровцев погрузили в подкативший микроавтобус, и развернулась. На обратной стороне её оказалось лицо мило улыбающегося майора Звонарёва.

– Ты потряси рукой-то, Алексей Николаевич, полегчает, – участливо произнёс Звонарёв.

– Какое заботливое ведомство, даже конечности мило-

сердно отрывает... — потирая плечо, тем не менее обрадованно произнёс Алекс.

Хищно присев, машины мгновенно исчезли в темноте.

— Ну, что, доктор, пойдём снотворные капли пить? — буднично спросил майор.

— Пошли! — обрадовался единственно правильному теперь решению Алекс.

— Всё, финита ля-комедия... — не успев отдышаться от выпитого залпом фужера коньяка, заявил Звонарёв. — Журналист поправляется, оборотней замели, тебе особая благодарность — за тебя, Алексей! На таких стволах и будет стоять и расти Россия!

Волнительная теплота от коньяка и событий наворачнула слезу умиления на глаз Алекса и подкатила ком к его горлу.

— Руку, гад, чуть не оторвал, а жизнь зато спас! — уже заплетающимся языком пролепетал Алекс, чокаясь с майором.

— А-а, руку ты теперь новую умеешь выращивать!

И вдруг давняя и попутная теперь мысль заставила майора почти протрезветь:

— Слушай, эскулап! Ты же не знаешь, кто такой генерал Городецкий!.. Это же мой комбат, вырвавший меня у духов в Афгане полуживого! Таких людей у нас теперь наперечёт! Только там же, в горах, схватил он какую-то лихорадку, от которой все его суставы костенеют, а ведь ему только сорок четыре года!.. Лёха! — майор потрянул Алекса за грудки. — Ты должен ему помочь! Пойми, он сам никогда не попросит,

а ведь погибается такой мужик! А наши шакалы только этого и ждут!

Нелицензионная деятельность Алекса на поприще регенерационной медицины вообще и клеточной терапии в частности, в известном смысле, давала свободу слов и действий при обязательном напоминании о стадии эксперимента.

На том и уgomонились, оставив на столе недопитой вторую бутылку. Снотворное подействовало, не дав Алексу даже снять штаны.

– Ты живой?! – ровно в семь тридцать бодрый голос майора застал Алекса с зубной щёткой во рту.

– Обижаешь, командир! – постарался в тон ему так же жизнерадостно ответить Алекс.

– Про комбата не забыл?

– «Всё, Зин, обидеть норовишь!»

– Тогда действуй! А то я уже терпеть не могу эти рожи, которые как стервятники ходят кругами и радуются. Он тут на коллегии пообещал разобраться с коттеджиками в Подмосковье и за границей, построенные на скромные генеральские зарплаты. А они знают, что ему уже двигаться трудно, и ждут как шакалы, когда в отставку уйдёт.

Не из-за коттеджиков, конечно, а просто симпатичны ему были и майор, и генерал, и Алексу захотелось ему помочь.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что вирус, сидевший в синовиальной жидкости суставов, практически съел все их хрящевые поверхности и действительно в самое

ближайшее время грозил сделать боевого генерала полным инвалидом.

Светила-вирусологи брались уничтожить заразу двумя-тремя блоками антибиотиков, а вот восстановить хрящи...

После глаз журналиста Алекс уже смело, хотя и без гарантий, брался за такие проблемы будучи уверенным, что не навредит.

С Божьей помощью через два с половиной месяца генерал Городецкий приобрёл практически новые суставы, а доктор Алекс практически непробиваемую крышу и надёжных друзей.

– Да, парень, заварил ты кашу, будь здоров! – после некоторой паузы задумчиво произнёс Аркадий, выслушав рассказ Алекса. И ещё, помолчав, добавил: – Кино снимать можно...

– Ну, да, – согласился Алекс, – многосерийное, если учесть, что этот случай с журналистом далеко не единственный.

Глава 4.

– Какыч, дорогой! Ты-то мне как раз и нужен! – это по дороге на пляж на Аркадия налетел Жора, хорошо ему знакомый пузатый обормот и хитрован, то ли кинутый, то ли кого-то сам кинувший, и потому на время залегший на дно

здесь, на Кипре.

Жора образования не имел никакого, машину водить не умел, языков и компьютера не знал, но зато умел уболтать любого, причём на любом языке. Ещё Жора, как никто другой, был славен своим умением влезать в душу.

Аркадий и опомниться не успел, как при первом же их знакомстве здесь, на Кипре, Жора умудрился узнать то, чего никому прежде из новых знакомых Аркадия узнавать не удавалось, и что сам Аркадий по понятным причинам особо не афишировал. Жора выпытал, что Аркадия в детстве близкие звали Ака. Дворовому же сообществу, понятное дело, созвучнее было Кака.

Ну, из уваженьица к возрасту и вроде как бы по-свойски Жора стал звать его Какыч.

– Выручай, друг! Сiju без копейки!

– Ну, на фунтик, и ни в чём себе не отказывай.

– Нету в тебе сердца, Какыч! Зато есть желудок – поедем со мной в командировку!

Раньше Аркадий знал, что есть человеческая логика, есть женская, а тут, оказывается, ещё и Жорина логика имеется – и это уже абсолютно непостижимо!

– Давай, переведи!

– Ну, всё ж понятно, красивый ты мой! Надо вертануться в Сибирь слупить малость бабулек, а то поиздержался весь, вон даже шлёпанцы стоптались...

– А я-то с желудком причём?!

– Ну, так холодно же в Сибири-то, поэтому пьют там для сугреву помногу, мне столько не одолеть, вот я часть в твой желудок и буду сливать, драгоценный ты мой!

Аркадий от души расхохотался.

Жора смеяться не умел, только скалился золотыми зубами.

– Не, командировочные и прочий сервис по высшему разряду, ты не сомневайся!

– Надо подумать, а пока я спешу... – заторопился Аркадий, чтобы отвязаться от Жоры.

– Что, опять на пляжик?! Не иначе, тёлку завёл! У-у, проказник!!!

– Это ты, Жора, чем вот сейчас подумал?!

Алекса Аркадий встретил в приподнятом Жорой настроении.

– Да, с этими братками не соскучишься! – смеясь, сказал Алекс, выслушав рассказ Аркадия. И будто бы что-то вспомнив, неожиданно спросил: – Хочешь, расскажу про одного такого?

И Алекс поведал ещё одну историю из своей недолгой, но богатой практики российского периода.

Однажды его крутой покровитель заехал к нему в салон с красивым и импозантным приятелем, похожим на какую-то итальянскую кинозвезду. Как потом выяснилось, приятель был один из двоих хозяев империи игровых автоматов и казино крупного волжского города.

Судя по упакованности, особенно по часам Rado, доходы у приятеля имелись, а вот детей не было...

Горький свой пожизненный диагноз он выучил наизусть, несмотря на его мудрёность: экскреторно-токсическая форма фертильности с блокированием продуцирования фруктозы и лимонной кислоты.

А ещё он уродился любящим детей и красавицу-жену. А ещё у него был бзик, отравляющий всю его сытую жизнь: кому всё оставить?!

Алекс затребовал все анализы и прочие аналогичные документы, которые дней через десять и получил от нарочного.

Бросалась в глаза аккуратность подборки бумаг – это означало многочисленность попыток бизнесмена излечиться. Так и есть: отсутствие фруктозы и лимонной кислоты в сперме делали сперматозоиды красавца непродуктивными живчиками. Только ведь, насколько Алекс знал, такой гормональный раздрай бывает как наследственным, так и благоприобретённым...

С таким ребусом – только к учителю.

Старый профессор на даче копал картошку.

– Пётр Васильевич! Ей-богу, ерундой занимаетесь! Привезу я вам два мешка картошки на зиму, только бросьте вы тут угробляться!

– Э-э, Алёшенька! Тут ведь вопрос психологический! Когда что-то своими руками сделаешь, потом результат до-олго душу греет. Вот я тебя выучил, теперь ты видишь какой бо-

гатый – два мешка картошки сразу можешь купить, вот я на тебя и радуюсь! Ты руки-то не пачкай, они у тебя для другого дела предназначены, коль выросли откуда положено.

После большого чая – так это у них называлось – профессор углубился в досье бизнесмена...

Когда же он взялся тереть подбородок, Алекс понял – дело к резюме. Он всегда по-хорошему завидовал профессорским мозгам и обожал выслушивать неожиданные и потрясающие аналитические выводы профессора по известной и ему проблеме: там, где он упирался, старый учитель шёл дальше.

– Молодец, мужичок, что руки не опускает, – изрёк профессор, когда его подбородок стал совсем красным. – И ты не опускай; тут есть, где покопаться. Прежде всего, узнай, как там с этим делом у его братьев и сестёр. Второе: покопошись в анамнезе, в частности, не было ли гормонального лечения или химиотерапии. Где-то же он отравил свои яйца! Докопаешься – поймёшь, что делать.

Дождавшись очередного приезда красавца в Москву, Алекс стал выпытывать у него его тернистый жизненный путь чуть ли не по дням.

После просеивания заинтересовался двумя фактами: первое – служба в армии на подводной лодке, и второе – курс антибиотиков при лечении двусторонней пневмонии девятилетней давности – единственного заболевания за все его тридцать шесть лет.

По первому факту он поручил бизнесмену выяснить по

возможности о здоровье сослуживцев и, если сможет, заполучить из архивов копию своей воинской медицинской карточки.

Тот смог вполне; сравнительный анализ показателей однозначно привёл Алекса к выводу, что в тот период бизнесмен не был бесплодным. У сослуживцев его тоже с этим нет никаких проблем.

Стало быть, поиск причин этой самой неблагоприобретенной фертильности сводился к курсу лечения пневмонии.

– Ну, что, – подвёл итог по этому поводу Алекс, – езжай домой, ищи бумаги, тряси врача, узнавай, что кололи.

Спустя неделю Алекс осознал, что крутой друг Крутого понял его буквально...

Когда тот позвонил и настойчиво попросил прилететь к нему, Алекс по голосу понял: что-то произошло.

В нескромном загородном доме бизнесмена ему представили перепуганного до смерти неказистого мужичка, беспрерывно трясущимися руками раскуривавшего сигареты.

– Представляешь, док, – начал свой рассказ несвойственно взволнованный бизнесмен, – когда я к нему пришёл за бумагами, он чуть в обморок от страха не упал. Э-э, думаю, милок, похоже, рыльце-то у тебя в пушку! Стал спрашивать – юлит, а у самого зубы стучат. Ну, у нас, ты же знаешь, свои лекарства: показываю ему мясорубку, говорю, не скажешь правду – твои яйца пропущу через этот инструмент. Подействовало. Ну, давай, пададь, расскажи коллеге ещё раз, что

со мной сделал.

Мужичонка, плача и проклиная всегдашнюю нищету, поведал, что за пятьсот долларов согласился ввести бизнесмену какую-то гадость, чтобы сделать его стерильным.

– Всё понял, док?! А теперь ты спроси меня: кому и зачем это пришло в голову?! – нервно подал голос бизнесмен. – И я тебе покажу сволочь еще более поганую, чем эта падаль.

Он достал из ящика стола фотографию, на которой он, молодой и волосатый, стоял на морском берегу в обнимку с холёным смеющимся парнем.

– Как мы живём, док!!! Ведь с этим человеком мы начинали своё дело! Голодали, рисковали, отбивались вместе! Что делают с людьми деньги?! Этой скотине показалось мало половины нашего бизнеса, он решил, что, лишив меня наследника, ему проще будет сладить с моей женой и захватить всё дело себе. Ну, что за мерзость – калечить людей из-за денег! Должно же быть что-то святое, люди мы или кто?! Ладно, док... Надо жить дальше... Я уже очень тебе благодарен, что помог мне разгрести эту кучу дерьма. Даст бог, что-то у нас получится и дальше. Пойдём отсюда, я познакомлю тебя с моей Оксаной, она мне теперь ещё родней стала.

А дальше была Москва, было несколько попыток вырастить здоровые специфические стволовые клетки Лейдига, пока это, наконец, не удалось. Как удалась и обратная их пересадка и приживание. По истечении двух месяцев андрогенная недостаточность многострадального волжанина стала

историей, поскольку в анализе появился в достаточном количестве тестостерон, стабилизировался гормональный баланс.

А ещё месяца через полтора взволнованный голос бизнесмена спровоцировал по мобильнику, что его ненаглядная Оксана беременна.

Потом у Алекса пошли более спокойные будни и другие истории, и он уже и забывать стал про ту волжскую драму, как вдруг однажды к нему в кабинет вошел загорелый, румяный крепыш и, по-волжски окая, попросил включить привезенную им видеоплётку.

В фильме том суматошном предельно счастливый красавец-бизнесмен всё совал в камеру голубой свёрток и вопил:
– Док!!! Это же мой сын!!!

В финальной же сцене, немного собравшись, счастливый отец пригласил Алекса выйти во двор и принять от него на память небольшой сувенир.

Расчувствовавшийся Алекс вслед за посланником вышел на крыльцо и увидел новую серебристую Audi с перевязанной крест-накрест красной лентой.

– Круто! – по-ребячьи прокомментировал Аркадий. – Одного не пойму: почему у тебя что ни пациент, то криминал?!

– Я думал над этим, – в задумчивости произнёс неотошедший от воспоминаний Алекс. – У них свои деньги, которые они умеют считать, они готовы рисковать в отличие от государства. А потом – это временно, пока клеточная терапия не

станет такой же массовой, как, скажем, физиотерапия, которая, кстати, в своё время тоже была в диковинку и для избранных. Да и не все мои клиенты из мира криминала, были и очень даже симпатичные истории.

Глава 5.

Принятые обязательства сохранять хронологию в удивительных рассказах Алекса требуют вспомнить о крутом его покровителе, хозяине салона красоты, ибо в аккурат на пике волжской истории он неожиданно... исчез; случается такое в их ремесле.

Поведал Алексу об этом велеречивый адвокат с кожаным саквояжем времён последнего русского царя.

Из него адвокат важно извлёк папку, из содержимого которой стало ясно, что Крутой по семейным обстоятельствам поменял страну проживания, однако, помятуя о своём спасителе и в знак благодарности, переписал владение салоном на Алекса.

По простоте душевной Алекс возрадовался, тут же провёл реорганизацию, уменьшил до min долю красоты и увеличил до max долю здоровья, прикупил кое-каких приборов и только через несколько недель осознал потерю покровителя.

Во-первых, Республиканский центр репродукции человека вдруг перестал поставлять ему оплодотворённые яйцеклетки; был Крутой – были яйцеклетки, нет Крутого – нет

яйцеклеток.

Во-вторых, его вдруг задёрнули полузабытые под крышей Крутого «друзья» предпринимателей: налоговая, ЖКХ, пожарники, санэпидемстанция, лицензионщики... Был Крутой – не было мороки, нет Крутого – ...

Однако и Алекс после имеющих место быть успешных случаев лечения уже был не тот, и Крутой, видно это учитывал.

С предложением «не вымогать» к алчущим конторам по его просьбе обратился генерал ФСБ Городецкий, дай Бог ему и дальше здоровья, и вопрос, конечно, решился.

Вопрос с яйцеклетками, поначалу казавшийся Алексу неподъёмным, довольно легко решился с помощью Вики и шести с половиной тысячи долларов – столько стоил микроскоп для экстракорпорального оплодотворения, который он купил по совету подруги. Её же умная головка просветила его, что есть такое действо как донация яйцеклеток и посоветовала просто покупать яйцеклетки у студенток мединститутков.

Раскованные студентки на ура встретили неожиданное предложение раз в месяц в определённый срок приехать к Алексу в салон, десять минут отдохнуть с раздвинутыми ногами в гинекологическом кресле и продать всё равно бросовый материал за трёхмесячную стипендию.

При этом не возбранялось ещё и пофлиртовать с молодым симпатичным доктором; девчата, наверное, знали, ка-

кому благому делу они способствуют.

В банке спермы оказался однокашник, и вопрос решился без проблем.

Поэтому когда к нему на приём по телефону напросилась известная наша кинозвезда, Алекс был почти во всеоружии.

Звезда была в возрасте, однако, душой и телом молода, и только кожа, изнасилованная косметологами и несколькими подтяжками, предательски подрезала ей крылья.

Как водится, у звезды был молодой друг, половые гормоны которого были союзниками Алекса в деле её омоложения.

Звезда на редкость была умницей, поэтому при первой же встрече с Алексом поняла, что обычная для неё буффонада здесь ни к чему, и не стеснялась в раздетом виде выглядеть усталой, увядшей женщиной...

Алекс похвалил её титанические усилия для поддержания формы, но оба они понимали, что усилия те имеют свой биологический предел...

«Загадочные женщины создания, – невольно подумал Алекс, – молодые студентки раздеваются запросто и одеваются не спеша, прогуливаясь по процедурной с обнажённым низом, а имевшая несколько мужей зрелая женщина немного смущается».

Её молящие, как у бассета, глаза, как бы говорили: «Доктор, миленький! Я всё понимаю, но ты всё равно попробуй! Если бы ты знал, как хочется продлить время!»

Глядя на неё, Алекс думал, что совсем недалеко то время,

когда доктор сможет уложить такую мадам в стационар месяца эдак на четыре да провести ей полный курс регенерации соответствующими стволовыми клетками всех её дряблых органов и систем. И выпорхнет после того из клиники не перезревшая тётка, а здоровая, волнующая женщина в соку.

А пока – что он может?! Стадия эксперимента, ограниченные возможности, результат фифти-фифти – звезда была согласна на всё; он был её последним шансом в битве за молодость.

И закрутился конвейер: изъятие яйцеклетки у студенток, экстракорпоральное её оплодотворение, замена ядра полученной зиготы на ядро кожной клетки звезды, выращивание кожных стволовых клеток в чашках Петри, подкожная инъекция их в разные места усталого тела звезды.

Чашки Петри не всегда выдавали то, что нужно, а материала на всё тело требовалось много, поэтому студентки шли чередой; каждодневное копание в их молодых прелестьях всех цветов и оттенков, а также томные вздохи наиболее игривых уже начали Алексу сниться по ночам.

Звезда же стоически всё сносила...

Конечно, донора и пациента по врачебной этике следовало бы разделить, но тут уж не до жиру. Радостно визжащие при встрече со звездой студентки, может, и знали, для чего и для кого добывает нечто в их влагищах молодой доктор, но реакции не выказывали абсолютно никакой – женская солидарность, конечно, существует...

Было заметно, что беззаботное молодое щебетание душу звезды молодило, но она очень того же хотела и с телом...

Пройдя в течение двух недель необходимый курс клеточной терапии кожными стволовыми клетками и инъекций соответствующим питательным раствором, звезда удалась на томительное дозревание, раз в неделю приезжая на осмотр...

Бог, видно, услышал её молитвы и решил воздать ей по её благим делам, потому что к концу третьей недели она почувствовала, да и Алекс увидел, что процесс пошёл: стала сильно шелушиться кожа – это начала активно отмирать старые клетки.

Ещё через пару недель кожа звезды приобрела молодой, тусклый блеск, многие морщины исчезли или уменьшились, поверхность стала гладкой и упругой. Звезда с воодушевлением ввела в свой лексикон понравившееся ей слово тургор, как раз упругость кожи и обозначающий.

Звезда была на седьмом небе от счастья, а это не близко, вероятно, поэтому звонков от неё не было недели три, и Алекс уже был занят другими пациентами, как вдруг однажды под вечер она прилетела вся взбудораженная, с горящими глазами, схватила его за руку и заволокла в процедурный кабинет.

С выкриками: «Сейчас увидишь!» стала буквально срывать с себя одежду; закинув, наконец, и трусы (или как там у них называется этот листик на шнурке) далеко в сторо-

ну, уверенно взгромоzдилась в знакомое гинекологическое кресло, ткнула себя пальцем в низ живота и победоносно изрекла:

– Сюда смотри!

Такой прыти Алекс не видел и у самых раскованных студенток, поэтому немного прибалдел и ничего не понимал...

Повинуясь приказу, неожиданно робко подошел к креслу и, как бы первый раз подсматривая, заглянул, куда велено.

– Ну, видел?! – поставленным театральным голосом громыхла звезда.

– Ч-что – видел?! – обескураженный Алекс беспомощно переводил взгляд то на лицо звезды, то на низ её живота.

– Ты что, ничего не видишь?! – напирала звезда.

– Ну, почему ничего: кое-что вижу... – мямлил Алекс.

– Э-эх!!! – уже рычала звезда. – «Кое-что»! Ты поглубже-то загляни!

И только теперь он осознал, что что-то в её женском половом органе не так. Забыв от волнения одеть перчатки, аккуратно двумя пальцами раздвинул наружные половые губы и... обомлел.

– А-а?! Эскулап, понял, наконец?! Я стала девственницей!!! – и звонко захохотала отчаянно-торжественным, известным всей стране хохотом. Алекс уже и подзабыл, что бывает такая штука как девственная плева – у студенток-то его этого не увидишь.

– Не сомневайся, дорогой, всё нормально, я к тебе прямо

от гинеколога, тот тоже в шоке, но справку дал. Как удачно я своего бой-фрэнда отдала на время лечения, а то бы такого удовольствия лишилась! – упивалась звезда свалившимся на неё счастьем и возможностью ещё раз всколыхнуть всю богему Москвы. – Мы ещё повоюем! – махала она рукой как саблей, гордо шествуя с помолодевшим голым задом за трусами, заброшенными в раже в дальний угол процедурной.

Присевший на кушетку Алекс наконец-то начал соображать: а почему, собственно, нет? От дефлорации много лет назад остался дефект, кожные стволовые клетки, как им и положено, его обнаружили и ликвидировали; можно делать вывод, что ткань девственной плевы похожа чем-то на кожу.

Приведшая себя в порядок звезда вытащила из сумочки и протянула глуповато улыбающемуся Алексу два конверта:

– Держи, кудесник! Это тебе за радость для тела, а это – премия за праздник для души! – по-свойски хлопнула его по плечу и, опять счастливо и победоносно захохотав, с гордо поднятой головой удалилась упиваться свалившейся на неё удачей.

Алекс отнёс это событие к счастливому случаю и стал уже забывать его; он совсем плохо знал звёзд. Держать такой (да ещё подтверждённый справкой гинеколога!) случай втайне было выше сил звезды, и тогда на Алекса обрушился звездопад...

По тому, как были там звёзды обоих полов, он понял, что больший эффект имело всё-таки омоложение кожи звезды,

нежели возвращение девственности – к этому правильно отнеслись как к весёлому, счастливому побочному эффекту.

Конечно, далеко не все получали желаемое, но божественный народ валил, и вскоре Алекс опять заскучал...

Однообразие прервал визит молодого интеллигентного мужчины, который с порога без обиняков начал рубить правду-матку.

В Москве в ту пору, судя по рекламе, было около десяти медицинских центров, клиник, институтов, которые гарантировали в течение недели омоложение кожи с помощью клеточной терапии. Алекс смутно догадывался, что это во многом чистая коммерция и профанация, но более, за ненадобностью, никак на это не реагировал.

Явившийся же к нему джентльмен представился никем иным, как владельцем одного такого центра – МЦ «VENOM».

– Что будем делать, коллега? – самоуверенно произнёс он, присаживаясь к рабочему столу Алекса.

– А что случилось?! – вполне искренне не понял Алекс.

– Без клиентов остаюсь, все к тебе бегут, вот что случилось!

– И чем же я могу вам помочь? – Алекс начал понимать озабоченность конкурента.

– Вот я и пришёл решить: что-то надо делать!

– У вас есть какие-то предложения? – Алексу становилось немного интересно.

– Да предложений масса: и комитет по лицензированию пригласить, и налоговую... – проявил свою осведомлённость конкурент.

– Если можно, поконкретней, пожалуйста, у меня мало времени, – затеплевшийся было у Алекса интерес пропал окончательно, он никогда не уважал эти дешёвые приёмы.

– Всегда пожалуйста. Предлагаю компенсировать мне наличкой утечку клиентов.

– Будем считать, консенсус невозможен даже теоретически, всего хорошего, – Алекс встал из-за стола.

– Жаль, командир, что не хочешь со мной дружить... – эта фраза Алекса неожиданно рассмешила: он вдруг подумал, что с таким жаргоном до клеточной терапии, как до Луны пешком.

«Вот ещё напасть, – подумал Алекс, когда за “конкурентом” закрылась дверь. – Ну, что из-за такой шелупони опять генерала беспокоить?!»

Нужное решение пришло довольно быстро: с этих коммерсантов, пожалуй, вполне хватит и майора Звонарёва.

– Юр, не заскочишь после службы ко мне?! – позвонил он ему по мобильнику.

– Что, будем из меня Арнольда делать?! О'кэй, Алекс, какие вопросы!

– Всё естественно, этого следовало ожидать, – заключил он рассказ Алекса. И продолжил: – Сделаем две вещи: как ты говоришь – МЦ «VENOM»? Я к ним зайду, и мы догово-

римся, не сомневайся – это первое. И второе: я завтра пришлю наших ребят, они поставят тебе сигнализацию – это от всех остальных «МЦ». Если форс-мажор с визитёром, нажимай кнопку и вызывай птицефабрику.

– Какую птицефабрику?! – Алекс никогда не был силён в жаргоне особистов. Майор это знал и не упускал случая повеселиться.

– Ну, отряд омоновцев, «Беркут» называется, птичка у них на нашивках, – разъяснил он, кончив смеяться.

Поняв, что вопрос исчерпан, Алекс вытащил из стола коньяк.

Конкуренты, правда, больше не беспокоили...

По истечении месяца майор Звонарёв сам заглянул к Алексу и рассказал, что тот самый МЦ взял да и переехал в какое-то экзотическое место – на Барбадос, что ли – там, где про Алекса пока не знают. Характерно, что за недельный курс омоложения «клеточной терапией» МЦ стал драть не по пятнадцать тысяч долларов, как прежде в Москве, а по двадцать.

– А ты говоришь – конкуренты! Наливай!

И чтобы уж совсем логически и хронологически завершить эту часть воспоминаний Алекса следует упомянуть, что он таки познакомился с птицефабрикой...

Навелись однажды тоже вежливые такие, но озабоченные: как так – такой процветающий салон и до сих пор без крыши живёт – непорядок; простые такие ребята.

Алекс скорее из любопытства, чем из страха вспомнил про нужную кнопку, забыв, куда её приспособили. Нажал и... ровно через пять минут зауважал пернатых: три минуты им понадобилось, чтобы приехать, минута на то, чтобы размазать четыре удивлённые морды по полу и ещё минута, чтобы он, Алекс, пришёл в себя.

С тех пор работал спокойно: оказывается, крыша крыше разница...

Глава 6.

– Какыч, ну, когда летим в Сибирь?

«Фу, ты, господи! Не обойдёшь это пузо нигде!» – в полупанике от неожиданности подумал Аркадий на полпути домой из супера, а вслух сказал, как будто уже дал на эту авантюру добро:

– Ну, это ж надо, когда там тепло, а то будешь потом как тот кот из анекдота вместо секса рассказывать кошкам, как в Сибири яйца отморозил.

– Понятное дело, вот давай на июль – там будет лето.

Алекс понял, что разговор пошёл конкретный, и надо выяснять детали.

– Так ты мне толком можешь объяснить, куда и зачем ты меня тянешь?

– Какыч! Ты же смотришься как миллиардер из Техаса, не то, что я – это же при торгах тоже играет роль. Да и вообще,

зелень рубить вдвоём сподручнее.

– А ты говорил – желудок! Это уже компаньон называется, а не желудок! А компаньону, породистый ты мой, доля в зелени полагается, а не в зелёном змии!

– Вот говорил мне батя – не связывайся с евреями, обдерут! А мама говорила наоборот, дружи с ними, всегда при деньгах будешь. Видать, получился я маменькин сынок – пять процентов как посреднику и лучшему другу!

– За пять процентов – это, Жорж, приятели получают, а дружба и доверие тянут не меньше как на десять. И то при полной чистоте от криминала!

– Обижаешь, друг! Я – свободолюбивый и теплолюбивый – семь процентов, и я сел готовить экспедицию на июль!

– Ты, Жора, на досуге бабок своих проверь: какая-то пол-литра нерусской крови в тебе умеет торговаться!

Они ударили друг друга по рукам и, довольные, разбежались по делам.

– У тебя не создалось впечатления, что всё так легко и просто в терапии стволовыми клетками? – встретил приятеля Алекс.

– Да, нет, что ты. Было бы легко – этих клиник давно уже было бы, как зубных, а народ ходил бы сплошь молодой и здоровенький.

– Совершенно верно. Это я тебе рассказываю самые удачные и интересные случаи. А что, как говорится, за кадром... И слёзы, и неудачи, и угрозы – всё, что хочешь! Если бы я

тогда мог использовать идею израильтян... А то, как рулетка какая-то была: получится – не получится. А ведь пациенты-то ко мне приходили не чирий лечить или зуб...

– А скажи, пожалуйста, Алекс, в других-то странах тоже наверняка такие продвинутые как ты имеются?

– Конечно, есть. Только они все заиклились на клонировании человека да на выращивании биоробота. Конечно, в случае успеха именно там будет самая большая слава и деньги, это понятно. Клонировать человека – это не тётку перезрелую девственницей сделать. Кстати, с её подачи у меня ещё одна похожая пациентка была...

Алекс слегка улыбнулся, вспомнив тот случай: Аркадий расценил это как интригующую историю со счастливым финалом.

– Алекс! Мы с тобой серьёзные деловые люди, – начала звезда, энергичной молодой походкой влетая в его кабинет. – Мне доверена тайна двух государств, – для подчёркивания этого важного факта она показала его на пальцах. – Я была на гастролях в Средней Азии. Всё было так себе, но вот однажды подошёл ко мне один местный джигит – с охраной, разумеется, и так это по-европейски: «Позвольте ручку, мадам! Наши восхищения, мадам! Цветы для вас, мадам! – Розы, кстати, были абсолютно роскошные. – Приглашаю вас на ужин, мадам!» Привёз меня в чудный горный ресторанчик. «Что будете есть, мадам, что будете пить?» – «Всё, говорю, буду!» – И, счастливая от своей выходки, громко за-

хохотала. – Потом говорит: «Тысяча извинений, мадам, но я вынужден спросить вас о деталях того чудесного казуса, приключившегося с вами. Поверьте, говорит, это не праздное любопытство». Ну, рассказала я ему всё, чего мне скрывать?! «Мадам, – говорит, – а тот ваш доктор – он человек надёжный?» Можешь меня не спрашивать, что я ему ответила... И после этого он стал грузить мои старые мозги своими феодальными байками. Короче: два очень больших в своих странах человека решили породниться, поженив своих детей. И всё бы хорошо, да только невеста – уже не девушка, а жениховы бабки требуют только такую. «Ну, – говорю, – сводите её в клинику гименоластики, там её быстро и дёшево заштопают». «Э-э, нет, – говорит, – мадам, вы не знаете наших традиций. Перед первой брачной ночью её будет осматривать гинеколог со стороны жениха. И вы себе даже представить не можете, какой будет скандал, если он обнаружит остатки шва или что-нибудь в этом роде. Поэтому мне поручено связаться с вами и с вашим доктором». Вот, считай, я с тобой связалась.

– Мне бы их заботы... – не сразу проговорил Алекс, заслушавшись театральным монологом звезды. – И когда свадьба?

– Да времени ещё полно, месяца три или четыре, я точно не знаю.

– Полно! Я же не клею, я выращиваю! А если не получится?

– Я так тому джигиту и сказала – никаких гарантий, идёт эксперимент! Пускай тогда калым пересчитывают, я знаю...

Звезда протараторила что-то по мобильнику, на бегу сказала: «Жди!» и улетела.

Часа через полтора в кабинет, постучав, вошёл по-европейски импозантный смуглый мужчина лет сорока пяти, черты лица которого Алексу показались не совсем азиатскими.

– Фархад, – он протянул Алексу правую руку, перебросив при этом чётки из тигрового глаза в левую. – Насколько я понимаю, вы в курсе наших национальных проблем. Так получается, что вопрос из семейного перерос в государственный. Для общего блага хотелось бы с вашей помощью уладить это маленькое недоразумение.

– Без гарантий! – вставил Алекс.

– Да-да, я в курсе – «идёт эксперимент», – процитировал он звезду, и оба улыбнулись. – Доктор, повышенная конфиденциальность вопроса требует от нас с вами принятия некоторых мер. Прошу вас, войдите в моё положение. Мы хотели бы, чтобы необходимые процедуры вы проделали с девушкой в нашем помещении, там будет всё, что вам необходимо. И ещё: вы не должны видеть лица девушки и место, где всё это будет происходить. Сделайте, пожалуйста, нам такое одолжение, доктор, уверяю вас: эти неудобства обязательно отразятся на размере вашего вознаграждения.

На десять ноль-ноль пришли две студентки и, опять осле-

пив Алекса своими рыжеватыми кудряшками и полоской незагорелой кожи, с шутками и прибаутками поделились с азиатской невестой бесценным даром своего женского организма.

Получив через пять суток нужный ему эмбрион – бластоцисту, Алекс, как было договорено, позвонил Фархаду, и через сорок минут его уже ждал джип с тёмными окнами.

Фархад ещё раз извинился и попросил Алекса надеть на глаза тёмную повязку. После сорокаминутной молчаливой езды его ввели в помещение и сняли повязку.

– Пожалуйста, доктор, вас там ждут, – сказал Фархад и указал рукой на дверь в соседнюю комнату. «Сказки Шахерезады», – почему-то подумал Алекс, входя в соседнюю комнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.